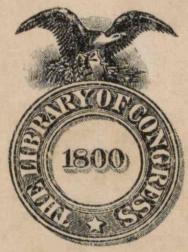
ИЗЪ КНИГЪ
ГЕННАДІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
ЮДИНА.
№ 12 Б

THE LIBRARY OF CONGRESS
RARE BOOK COLLECTION
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА



Class BV4610
Book .E25
YUDIN COLLECTION
GPO

Облако

надъ святилищемъ

соч. Экхартсгаузена.

Санктпетербургъ,
въ Императорской типографіи
1804 года.

BV 4611
.E17

Изъ библіотеки
Сур
№ 402.

ОБЛАКО

Тихломскаго купецкаго сына

надъ

СВЯТИЛИЩЕМЪ,

Михаила Юдина.

или

нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ.

Сочиненіе Г. Эккартсгаузена, изданное въ 1802 году.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Гражданскаго Губернатора.

Иждивеніемъ Переводчика.

Санктпетербургъ.

Въ Императорской типографіи.

1804 года.

BL245
E19

Не въ силѣ велицѣй, ни въ крѣпости, но въ Дусѣ своемъ побѣждаетъ Господь. *Зах. IV. 6.*

Въ сей книжкѣ мы представляемъ тебѣ, Любезный Читатель, одно изъ послѣднихъ твореній сего Автора, изданныхъ имъ въ свѣтъ; ибо онъ, по долговременной и тяжкой головной болѣзни, въ Маіѣ мѣсяцѣ прошлаго 1803 года кончилъ здѣшнюю жизнь свою. Наставленіе Клоаса Софрониму, *помѣщенное нами въ* Отрывкахъ, *писано имъ не задолго предъ своею кончиною, по облегченіи отъ болѣзни; и какъ оно на Нѣмецкомъ языкѣ не было еще напечатано: то вѣроятно есть самое послѣднее его сочиненіе, полученное нами въ рукописи. Мы думаемъ, Любезный Читатель, что ты соединишь съ нами добрыя твои желанія и благословишь память всякаго Трудника, работающаго въ вертоградѣ Господнемъ.*

Поставленныя у Автора на винѣтѣ, которой и мы удержали, Латинскія слова значатъ: Безъ облака для насъ.

У. М.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Для тихаго и спокойнаго Наблюдателя ни который вѣкъ такъ не примѣчателенъ, какъ нашъ. Вездѣ броженіе и круженіе въ умахъ и въ сердцахъ человѣческихъ; вездѣ борьба свѣта со тьмою — борьба мертвыхъ идей съ живыми — мертвой, немощной воли съ живою дѣятельною силою — брань скопочеловѣка съ будущимъ Духо-человѣкомъ.

Напряги послѣднія силы твои, естественный человѣкъ! Самая борьба твоя возвѣщаетъ вышнюю натуру, въ тебѣ усыпленную. Ты пред-

чувствуешь, ты ощущаешь достоинство свое: но все вокругъ тебя еще темно, и свѣтильникъ слабаго твоего разума недостаточенъ къ освѣщенію предметовъ, которыхъ ты достигать долженъ.

Говорятъ, мы живемъ въ *вѣкѣ Просвѣщенія* — но правильнѣе сказать бы надлежало въ *вѣкѣ мерцанія*. Кое-гдѣ мелькаетъ свѣтъ сквозь облако тьмы: но прямо онъ не освѣщаетъ еще ни разума нашего, ни сердца. Люди несогласны въ понятіяхъ, ученые спорятъ: а гдѣ споръ, тамъ еще нѣтъ истины.

Наиважнѣйшіе для человѣчества предметы еще не утверждены; мы несогласны ни въ началѣ разума, ни въ началѣ нравственности, или побудительной причинѣ воли, — доказательство, что мы среди великаго сего времени Просвѣщенія не знаемъ еще прямо, что намъ дѣлать съ головою и сердцемъ.

Можетъ быть все сіе скорѣе узнали бы мы, естьли бы не во-

ображали себѣ, что свѣтильникъ познанія у насъ уже въ рукахъ; и естьли бы мы хотя разъ прямо взглянули на немощь нашу, и узнали, что намъ потребенъ вышній свѣтъ.

Мы живемъ во времена идолослуженія разуму; мы возжигаемъ на алтарѣ его смоляной факелъ, и громко кричимъ: теперь-то восходъ солнца; теперь-то начинается день, въ который міръ, чрезъ Науки и Художества и утонченный вкусъ, и также чрезъ чистое познаніе въ Религіи, отчасу болѣе просвѣщается и совершенствуется!

Бѣдные человѣки! Далеко ли же разпространили вы блаженство человѣческое? Бывалъ ли полно какой вѣкъ, который бы стоилъ человѣчеству столькихъ жертвъ, какъ нынѣшній? Бывалъ ли когда вѣкъ, въ которомъ бы невѣжество и эгоизмъ болѣе господствовали, какъ въ нынѣшнемъ? (Какъ-то доказала

Франція.) Дерево по плодамъ познается.

Человѣки, обезумленные мнимымъ своимъ натуральнымъ разумомъ! Откуда взяли вы свѣтъ, которымъ другихъ просвѣтить хотите? Не всѣ ли понятія ваши заимствованы отъ чувственности, которая не доставляетъ истины, а только явленія ея?

Все *познавательное* во времени и пространствѣ не есть ли *относительное?* Все, что мы назвать можемъ истиною, не есть ли истина относительная? Совершенной истины не въ сферѣ явленій искать надлежитъ.

И такъ натуральный вашъ разумъ имѣетъ не существо, а только видъ истины и свѣта. Чѣмъ же болѣе блескъ сей увеличивается и внѣшно разпространяется, тѣмъ болѣе существо свѣта внутри уменьшается; и человѣкъ, ослѣпляясь блескомъ, хватается за блестящіе образа безъ существа.

Нынѣшняя наша философія возноситъ слабый естественный разумъ на степень независимаго существа; приписываетъ ему власть Законодавца, похищаетъ у него вышнюю силу, дѣлаетъ его самосущимъ, и претворяетъ въ дѣйствительное Божество, отсѣкая всякую связь, всякое истинное сообщеніе между имъ и Богомъ; и сей-то Божокъ — Разумъ — невѣдущій другаго закона кромѣ своего собственнаго, долженъ править человѣками и дѣлать ихъ счастливыми! Тьма должна разпространять свѣтъ, нищета обогащать, и смерть животворить!

Истина ведетъ человѣковъ къ блаженству: можете ли же вы имъ дать его?

То, что вы *истиною* называете, есть только пустая форма понятія о чувственныхъ, или и неподлежащихъ чувствамъ предметахъ, совнѣ чрезъ чувства полученная, и разумомъ, чрезъ составленіе примѣ-

ченныхъ соотношеній, въ науку или въ бредъ приведенная: вещественной же истины вы никакой не имѣете; духовное и вещественное начало есть для васъ непостижимость.

Моральную истину, теоретическую ли то, практическую ли, извлекаете вы изъ Писанія и преданій. Но какъ началомъ вашего Разума есть самость, а побужденіемъ Воли одинъ эгоизмъ: то вы собственнымъ вашимъ свѣтомъ или не видите повелительнаго закона нравственности, или отражаете его вашею волею. До сего-то дошло нынѣшнее просвѣщеніе. Самость, въ одеждѣ философическаго лицемѣрія, есть чадо погибели, рожденное въ мірѣ ею.

Кто будетъ утверждать, что солнце стоитъ въ полуднѣ, когда ни одинъ лучь не утѣшаетъ страны той, и ни малѣйшая теплота не оживляетъ ея растѣній? Когда Мудрость не исправляетъ человѣковъ, и Любовь не дѣлаетъ ихъ

счастливѣе: то мало еще сдѣлано для всеобщаго.

О! когда бы естественный, или чувственный человѣкъ увидѣлъ, что началомъ разума у него только собственность, побужденіемъ воли только самость, и что по тому самому онъ долженъ быть крайне бѣденъ и несчастенъ: то онъ сталъ бы искать вышняго начала внутри себя, и приближился бы къ источнику, который можетъ всѣмъ дать сіе начало; ибо оно есть Премудрость въ существѣ.

Христосъ есть Премудрость, Истина и Любовь. Яко Премудрость, Онъ есть начало разума, источникъ чистѣйшаго познанія; яко Любовь, Онъ есть начало нравственности, существенное чистое побужденіе воли.

Любовь и Премудрость совершаютъ Духа истины, который есть внутренній свѣтъ, освѣщающій сверьхчувственные предметы и въ насъ ихъ осуществляющій.

Невѣроятно, сколь глубоко погрязаетъ человѣкъ въ заблужденіе, когда оставляетъ простыя истины *вѣры* и поставляетъ на мѣсто ихъ свое *мнѣніе!*

Нашъ вѣкъ хочетъ опредѣлить начало разума и нравственности, или побудительную причину воли, головою: но естьли бы господа Ученые были повнимательнѣе, то можетъ быть нашли бы оное лучше опредѣленнымъ въ сердцѣ самаго простаго человѣка, нежели во всѣхъ ихъ блистательныхъ умствованіяхъ.

Практическій Христіанинъ сію побудительную причину воли, начало всякой нравственности, существенно и вещественно находитъ въ своемъ сердцѣ; и оно выражается въ слѣдующемъ правилѣ:

Люби Бога паче всего, а ближняго какъ самаго себя.

Любовь къ Богу и ближнему есть побудительная причина воли Христіанина: а самая сущность любви есть въ насъ Христосъ.

Такъ и начало разума есть въ насъ Премудрость, а существо Премудрости, или Премудрость въ существѣ, опять есть Христосъ, свѣтъ міра: и такъ въ Немъ обрѣтаемъ мы начало и разума и нравственности.

Все, что я здѣсь говорю, не есть высокопарная мечта: а дѣйствительная подлинность, совершенная истина, которую всякой опытомъ самъ дознать можетъ, какъ скоро приметъ въ себя начало разума и нравственности, *Христа*, яко Премудрость и Любовь. Онъ самъ нарекъ себя Истиною, и единъ Онъ есть Премудрость и Любовь.

Но чувственный человѣкъ крѣпко запертъ для кореннаго основанія всего истиннаго и сверьхчувственнаго; и самъ разумъ, который нынѣ хотимъ мы возвесть на престолъ, яко законодавца, есть только смыслъ чувствъ, коего свѣтъ разнится отъ того свѣта такъ, какъ свѣтъ гнилушки отъ сіянія солнечнаго.

Совершенная истина не есть для чувственнаго человѣка, а для внутренняго, для Духочеловѣка, который имѣетъ свое чувствилище, или прямѣе сказать внутренній смыслъ, для пріятія совершенной истины сверьхчувственнаго міра; — духовное чувство, обозрѣвающее духовные предметы также натурально, какъ внѣшнее чувство разсматриваетъ внѣшніе предметы.

Сіе внутреннее чувство Духочеловѣка, сіе чувствилище метафизическаго міра, къ сожалѣнію, неизвѣстно еще сущимъ внѣ сего міра, и есть тайна царствія Божія.

Нынѣшнее невѣріе ко всему, чего чувственный нашъ смыслъ не понимаетъ, причиною того, что самоважнѣйшія для человѣковъ истины отвергаются.

Да и какъ быть тому иначе? Ибо чтобъ увидѣть, надобно имѣть глаза; чтобъ услышать, имѣть уши. Для каждаго чувственнаго предмета потребно свое чувство: такъ равно

и для метафизическаго предмета потребно свое чувствилище, а сіе внутреннее чувствилище у большей части людей заперто; и потому чувственный человѣкъ судитъ о метафизическомъ мірѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ, и какъ глухой о звукѣ.

Есть дѣйствительное начало разума и дѣйствительная причина воли. Оба они вмѣстѣ суть начало новой жизни, и нравственность существенно въ нихъ состоитъ. Сей чистый разумъ и соединенное съ нимъ существо воли есть въ насъ Богочеловѣкъ Христосъ, свѣтъ міра, которому надлежитъ вступить непосредственно въ союзъ съ нами, чтобъ намъ дѣйствительно познать его.

Сіе дѣйствительное познаніе есть живая *вѣра*, у которой все переходитъ въ духъ и истину.

И такъ для принятія онаго должно необходимо быть такъ организовану духовному чувствилищу, духовному внутреннему органу, спо-

собному къ пріятію сего свѣта: но у большей части людей оно заключено подъ корою чувственности.

Сей внутренній органъ есть чувство зрѣнія сверьхчувственнаго міра; и пока сіе зрѣніе въ насъ не откроется, до тѣхъ поръ мы не можемъ имѣть прямаго вѣдѣнія о вышнихъ истинахъ.

Заключенность сего органа есть необходимое слѣдствіе очувствившагося паденіемъ человѣка; грубая матерія, заключающая сіе внутреннее чувствилище, есть чешуя, покрывающая внутреннее око, и дѣлающая наружное око неспособнымъ зрѣть міръ духовный. Сіяже самая матерія запираетъ и внутреннее наше ухо, дабы мы не слышали гласовъ метафизическаго міра, и притупляетъ внутренній нашъ языкъ, дабы мы не произносили сильныхъ словъ духа, которыя нѣкогда мы изрекали и чрезъ которыя мы повелѣвали внѣшнею натурою и стихіями.

Въ отверстіи сего духовнаго чувствилища заключается тайна возрожденія и внутреннѣйшаго соединенія человѣка съ Богомъ — высочайшая цѣль религіи здѣсь на земли.

Изъ сего легко уразумѣть можно, для чего религія всегда настоитъ о покореніи чувственнаго человѣка духовному? Причина тому та, что она хочетъ духовнаго человѣка сдѣлать господствующимъ, дабы Духочеловѣкъ, или истинный Умочеловѣкъ, господствовалъ надъ чувственнымъ. Сію истину чувствуетъ и философъ; заблужденіе его только въ томъ, что онъ не знаетъ истиннаго начала разума, и хочетъ на мѣсто его поставить свою собственность, свой чувственный смыслъ.

Какъ человѣкъ внутри себя имѣетъ духовный органъ и чувствилище къ принятію истиннаго начала разума, или Божественной Премудрости, и истиннаго побужденія воли, или Божественной любви: такъ и внѣ имѣетъ онъ физическое, ма-

теріальное чувствилище къ принятію сіянія свѣта, сіянія истины. И какъ внѣшняя Натура не имѣетъ совершенной истины, а только относительную, *кажущуюся* истину: то необходимо слѣдуетъ, что человѣческой разумъ не можетъ получать умной истины, а только блескъ ея; только явленіе, которое, на мѣсто побудительной причины воли его, возбуждаетъ въ немъ токмо похоть, въ коей и состоитъ порча чувственнаго человѣка, или поврежденной Натуры.

Сіе наружное чувствилище человѣка составлено изъ неравноформенной тлѣнной сущности: внутреннее же имѣетъ основаніемъ нетлѣнное, сверьхчувственное, метафизическое существо.

Первое есть причиною нашей тлѣнности и смертности, второе причиною нетлѣнія и безсмертія.

Въ области матеріальной, или тлѣнной Натуры, безсмертное облечено смертнымъ; и отъ тлѣнной

матеріи смертности происходитъ вся бѣдность наша.

Дабы человѣку освободиться отъ сей бѣдности, нужно, чтобы нетлѣнное, внутри насъ кроющееся, безсмертное Начало въ насъ разкрылось и какъ бы поглотило тлѣнное и смертное, дабы оболочка чувственности спала, и человѣкъ явился въ первобытной своей чистотѣ.

Сія кора чувственной натуры, которая есть дѣйствительно тлѣнная и въ крови нашей находящаяся сущность, составляетъ узы, содержащія нашъ безсмертный духъ скованнымъ въ бренной смертной плоти.

Сія кора можетъ въ каждомъ человѣкѣ, болѣе или менѣе, быть совлечена; и чрезъ то духъ получаетъ болѣе свободы, и слѣдовательно болѣе дознанія о сверьхчувственномъ, къ коему онъ подходитъ.

Три есть степени, или три разные градуса разкрытія въ насъ духовнаго чувства, или чувствилища.

Первая степень простирается только до нравственнаго добра, и сверьхчувственный мірь дѣйствуетъ въ насъ внутренними движеніями, кои называются *Внушеніями*, или *Вдохновеніями*.

Вторая и вышшая степень разверзаетъ наше чувствилище къ пріятію духовнаго и умнаго; и метафизическій мірь дѣйствуетъ въ насъ внутренними *Просвѣщеніями*.

Третія и высочайшая, но и самая рѣдкая степень, разверзаетъ все внутреннее, (снимаетъ всю кору съ духовнаго нашего ока и уха,) и доставляетъ намъ полное *Созерцаніе* духовнаго царства — видимость метафизическихъ чувственныхъ предметовъ, чѣмъ изъясняются вдругъ всѣ видѣнія совсѣмъ натурально.

И такъ мы имѣемъ во внутреннемъ нашемъ такоеже чувство и предметы, какъ и во внѣшнемъ: только и предметы и чувства различны. Во внѣшнемъ дѣйствуетъ въ насъ скотскочувственное побуж-

деніе, и дѣйствіе сіе пріемлетъ тлѣнная чувственная матерія: а во внутреннемъ дѣйствуетъ въ насъ недѣлимая метафизическая сущность; пріемлетъ же сіи вліянія нетлѣнное безсмертное существо нашего духа. Но вообще все дѣлается также натурально и во внутреннемъ, какъ и въ наружномъ. Законъ вездѣ одинъ.

Поелику же духъ, или внутренній нашъ человѣкъ, имѣетъ совсѣмъ другое чувство и способность представленія, нежели естественный человѣкъ: то ни мало не удивительно, что онъ остается загадкою для нашихъ Ученыхъ, не вѣдающихъ сего чувства и не испытавшихъ сверьхчувственнаго духовнаго міра. И потому они мѣряютъ сверьхчувственное мѣрою чувственности, тлѣнное возбужденіе смѣшиваютъ съ нетлѣнною сущностію; и отъ того необходимо судятъ о предметахъ также ложно, какъ люди, у коихъ недостаетъ чувства, и кои слѣдовательно не могутъ получить понятія о

вещи, тѣмъ чувствомъ постигаемой, и не могутъ принять ни относительной, ни совершенной истины. Приведенными здѣсь истинами мы обязаны Кантовой философіи.

Кантъ неоспоримо доказалъ, что разумъ, въ естественномъ своемъ состояніи, о сверьхчувственномъ, духовномъ и вышнемъ ничего не знаетъ, и ничего ни по разложенію, ни по сложенію, узнать не можетъ; и слѣдовательно ни возможности, ни подлинности Духовъ, душъ и Бога доказать не въ состояніи.

Сіе есть великая и весьма благотворная истина для нашихъ временъ, хотя Апостолъ Павелъ давно уже подшвердилъ ее въ I. Посланіи къ *Кор.* II. 24. Но языческая философія Христіанскихъ Ученыхъ умѣла отдалить ее до временъ Кантовыхъ.

Благотворность сей истины двояка: во первыхъ она полагаетъ непремѣнныя границы чувствамъ, фанатизму и мечтамъ разума; во вторыхъ представляетъ въ яснѣйшемъ

свѣтѣ потребность и божественность Откровенія, когда доказано, что человѣческой разумъ, будучи запертъ для всего сверьхчувственнаго, безъ Откровенія не имѣлъ бы никакого вѣрнаго источника, откуда почерпать ему познаніе о Богѣ, о духовномъ мірѣ, о душѣ и безсмертіи ея; и слѣдовательно совершенно бы ему невозможно было не только знать, ниже воображать о семъ что либо.

И такъ мы обязаны Канту, что онъ и философамъ доказалъ то, что въ вышнемъ училищѣ Свѣтоноснаго Общества давно доказано, а именно: что безъ Откровенія не возможно имѣть познанія ни о Богѣ, ни о душѣ.

Изъ сего ясно заключить можно, что кореннымъ основаніемъ всѣмъ религіямъ въ мірѣ должно быть всемірное Откровеніе.

По Канговой системѣ доказано, что умный міръ совсѣмъ неприступенъ для естественнаго разума;

— Богъ обитаетъ въ такомъ свѣтѣ, куда никакое умозрѣніе, никакой неотверстый разумъ проникнуть не можетъ.

И такъ чувственный, или естественный человѣкъ, не имѣетъ понятія о сверьхчувственномъ: и потому нужно было ему Откровеніе вышнихъ истинъ, и нужна была вѣра въ Откровеніе; ибо вѣрою подаются средства къ разкрытію внутренняго чувствилища, (Sensorium,) которымъ могутъ быть поняты истины, самыя непостижимыя для естественнаго человѣка.

Совершенно справедливо, что съ новыми чувствами получаемъ мы новыя понятія о предметахъ. — Сіи предметы могутъ существовать и не быть нами примѣчены, за неимѣніемъ удобопріемлющаго органа. Цвѣты есть, но слѣпой ихъ не видитъ; звуки есть, но глухой ихъ не слышитъ. Недостатокъ сего находится не въ пріемлемомъ предметѣ, а въ пріемлющемъ органѣ.

Съ разкрытіемъ въ насъ новаго органа мы новое видимъ, новое испытываемъ. Духовный міръ невидимъ для насъ только по тому, что въ насъ не разкрылся тотъ органъ, который можетъ сдѣлать его видимымъ.

Съ разкрытіемъ новаго органа вдругъ поднимается завѣса, непроницаемый покровъ снимается, облако надъ Святилищемъ изчезаетъ; является новый міръ, чешуя съ нашихъ глазъ спадаетъ, и мы вдругъ преселяемся изъ страны явленій въ страну Истины.

Единъ Богъ есть прямое существо, совершенная истина; единъ онъ есть *Сей*: мы же только то, что Онъ изъ насъ творитъ.

Для Него все въ единствѣ, для насъ же во множественности.

Къ сему отверстію внутренняго чувствилища многія тысячи людей совсѣмъ не имѣютъ чувства, такъ какъ и къ истинной внутренней жизни духа, которой они совсѣмъ не вѣдаютъ и не ощущаютъ: а потому

и знать не могутъ, что духовное и сверьхчувственное понимать можно, и что можно въ сверьхчувственномъ возвыситься до *Созерцанія*.

Истинное великое строеніе Храма состоитъ единственно въ томъ, чтобы сокрушить бѣдную Адамову хижину и создать Храмъ Божеству, или другими словами сказать: разкрыть въ себѣ внутреннее чувствилище, или Богообщительный органъ, по разкрытіи котораго метафизическое нетлѣнное начало возобладаетъ надъ земнымъ, и человѣкъ начнетъ жить уже не началомъ самолюбія, но духомъ и истиною, коихъ онъ есть Храмъ.

Тогда законъ нравственности состоять будетъ въ любви и въ дѣйствованіи, вмѣсто того, что онъ въ чувственномъ, наружномъ, естественномъ человѣкѣ остается только пустою мысленною формою; и духовный человѣкъ, яко возрожденный въ духѣ, видитъ тогда въ существѣ все то, о чемъ естествен-

ный человѣкъ только мечтаетъ, только имѣетъ пустой звукъ, признаки и буквы, которыя всѣ, безъ внутренняго духа, суть безжизненные, мертвые образа.

Высочайшая цѣль Религіи есть внутреннѣйшее соединеніе человѣка съ Богомъ, которое и здѣсь еще возможно: но не иначе, какъ посредствомъ разкрытія внутренняго духовнаго нашего чувствилища, творящаго отверстое сердце наше удобнымъ къ принятію Бога.

Сіи-то суть великія таинства, о которыхъ наша философія и грезить не смѣетъ, и къ которымъ ключь не у нашихъ школьныхъ Ученыхъ находится.

Но между тѣмъ всегда существовало вышнее Училище, которому ввѣрены были всѣ сіи познанія, и которое было Свѣтоносное Общество, или Церковь Господня; Общество Избранныхъ, которое съ перваго дня творенія до нынѣшнихъ временъ безпрерывно продол-

жалось, и котораго члены хотя по всему міру разсѣяны, но всегда въ духѣ и истинѣ соединены; всегда одно только познаніе, одинъ источникъ истины, одного Господа, Учителя и Мастера имѣли; такого Учителя и Мастера, въ которомъ всеобщая полнота Божества существенно обитаетъ, и который единъ посвящалъ ихъ въ высокія таинства какъ Натуры, такъ и Духовнаго міра; и сіе благодатное Общество издревле называлось невидимою внутреннею Церковію, или древнѣйшимъ Обществомъ, о которомъ въ слѣдующемъ письмѣ поговоримъ болѣе.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Нужно подать вамъ, Возлюбленные о Господѣ Братья! чистое понятіе о внутренней церкви, о томъ свѣтоносномъ обществѣ Божіемъ, которое по всему міру разсѣяно, но управляется единою истиною и сопряжено единымъ духомъ.

Сіе свѣтоносное Общество существуетъ съ перваго дня міробытія, и продолжится до конца временъ.

Оно есть общество Избранныхъ, познающихъ во тьмѣ свѣтъ, и пріемлющихъ его въ свою собственность.

Сіе Свѣтоносное Общество имѣетъ у себя такое Училище, въ которомъ самъ Духъ Истины поучаетъ жаждущихъ свѣта, и въ которомъ всѣ тайны Божіи и тайны Натуры

сохраняются для чадъ свѣта. Совершенное познаніе Бога, совершенное знаніе Натуры и человѣчества суть предметы ученія въ семъ Училищѣ. Изъ онаго изходятъ въ міръ всѣ истины; оно было училищемъ Пророковъ и всѣхъ ищущихъ Премудрости. Въ немъ токмо можно найти истину и изъясненіе всѣхъ таинствъ и мистерій. Оно есть самое внутреннѣйшее общество, и имѣетъ членовъ не изъ одного міра. Теперь слѣдуютъ понятія о немъ.

Издревле внутреннее было основаніемъ внѣшнему, которое было токмо выраженіемъ, чертежемъ онаго.

Издревле былъ такой внутренній Соборъ, общество Избранныхъ, способныхъ ко свѣту и ищущихъ свѣта; и сіе внутреннее Общество называлось внутреннѣйшимъ Святилищемъ, или внутреннею Церковію.

Все, что внѣшняя церковь имѣетъ въ образахъ, обрядахъ и чино-

положеніяхъ, есть буква, которой духъ и истина находится во внутренней.

И такъ внутренняя Церковь есть такое Общество, коего члены разсѣяны по всему міру, но коихъ внутренно соединяетъ единый духъ любви и истины. Они всегда работали надъ строеніемъ великаго Храма возрожденія человѣчества, чрезъ которое открывается царство Божіе, состоящее въ сообществѣ Свѣтоспособныхъ, или Избранныхъ.

Сіи Свѣтоспособные соединены духомъ и истиною, и глава ихъ есть самъ свѣтъ міра, Христосъ, Помазанникъ свѣта, единственный Ходатай рода человѣческаго, путь, истина и жизнь, первоначальный свѣтъ, Премудрость, единственное *средство* къ достиженію человѣкамъ къ Богу.

Внутренняя Церковь началась тотчасъ по паденіи человѣка, и непосредственно отъ Бога получила откровеніе, какимъ образомъ падшій

родъ человѣческій будетъ паки возведенъ въ свое достоинство и искупленъ отъ своей бѣдности. Она получила въ залогъ всѣ откровенія и всѣ тайны, и ключь къ истинному познанію какъ божественнаго, такъ и естественнаго.

Но когда люди разрознились: то слабость и немощь человѣческія сдѣлали необходимымъ наружное Общество, которое бы заключало въ себѣ внутреннее сокровенно, и духъ и истину скрывало подъ буквами. Ибо какъ множество, толпа, народъ, неспособны къ постиженію великихъ внутреннихъ таинъ, и весьма было бы опасно ввѣрить всесвятѣйшее неспособнымъ: то внутреннія истины облечены были въ наружные чувственные обряды, дабы чрезъ чувственное и наружное, яко образъ внутренняго, удобнѣе привести человѣковъ къ внутреннимъ духовнымъ истинамъ.

Внутреннее же всегда ввѣрялось самому свѣтоспособнѣйшему того

времени; онъ былъ обладатель сего залога, яко Первосвященникъ во Святая Святыхъ.

Когда же, по слабости человѣковъ, не могущихъ сносить полнаго свѣта, внутреннія истины должны были облечься въ наружные чувственные образа: тогда произошло внѣшнее богослуженіе, которое однако всегда пребывало отпечаткомъ и выраженіемъ внутренняго, то есть истиннаго поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ.

Разность между духовнымъ и скотскимъ, или разумнымъ и чувственнымъ человѣкомъ, сдѣлала необходимымъ наружное и внутреннее. Внутреннія духовныя истины вступили въ наружное подъ покровомъ образовъ и обрядовъ, дабы возбудить вниманіе въ чувственномъ скоточеловѣкѣ, и мало по малу препроводить его ко внутреннимъ истинамъ.

По сему наружное богослуженіе было чувственное изображеніе внутреннихъ истинъ, истинныхъ со-

отношеній между человѣкомъ и Богомъ, *до паденія*, *по паденіи*, и въ состояніи его достоинства, усыновленія и совершеннаго *примиренія*. На сихъ трехъ главныхъ отношеніяхъ основаны всѣ чувственные знаки внѣшняго богослуженія.

Отправленіе сего внѣшняго богослуженія названо священнодѣйствіемъ. Сіе священнодѣйствіе въ первыя времена отправлялъ каждый отецъ семейства. Первенцы плодовъ и скотовъ приносимы были въ жертву Богу: первые въ знакъ того, что все питающее и сохраняющее нашу жизнь происходитъ отъ него; вторые во знаменованіе того, что животный (скотской) человѣкъ долженъ быть умерщвленъ и закланъ, дабы дать мѣсто духовному и разумному человѣку.

Внѣшнему богослуженію не надлежало никогда отдѣляться отъ внутренняго; но какъ слабость человѣческая легко въ буквѣ забываетъ духа: то Духъ Божій между всѣми

народами возбуждалъ всегда способнѣйшихъ ко свѣту, и употреблялъ ихъ своими Повѣренными къ возженію повсюду истины и свѣта по способности человѣковъ, дабы мертвую букву оживить духомъ и истиною.

Посредствомъ сихъ Божескихъ орудій внутреннія истины Святилища разсѣялись между самыми отдаленнѣйшими народами, и по способностямъ, обычаямъ и мѣстному положенію каждаго, представлены были чувственно: такъ что наружные образа во всѣхъ религіяхъ, богослуженіе ихъ, обряды и священныя книги вообще имѣютъ предметомъ своимъ внутреннія истины Святилища, съ тѣмъ только различіемъ, что одни яснѣе, другія темнѣе то выражаютъ, и ими токмо въ послѣднія времена человѣчество доведено будетъ до всеобщности познанія единыя истины.

Чѣмъ болѣе внѣшнее богослуженіе въ какомъ народѣ пребывало соединенно съ духомъ внутреннихъ истинъ,

тѣмъ чище была его религія: чѣмъ же болѣе изобразительная буква отдѣлялась отъ внутренняго духа, тѣмъ несовершеннѣе становилась религія, превратившаяся наконецъ у нѣкоторыхъ въ многобожіе, когда внѣшняя буква внутренній свой духъ совсѣмъ потеряла, и остался одинъ мертвый обрядъ безъ души и безъ жизни.

Когда же сѣмена главнѣйшихъ истинъ посѣялись во всѣхъ народахъ свѣтоносными Повѣренными Божіими: тогда Богъ избралъ одинъ особенный народъ, дабы представить живой примѣръ, какъ хочетъ Онъ править всѣмъ родомъ человѣческимъ въ настоящемъ его состояніи, и привести его къ высочайшему очищенію (измовенію) и совершенству.

Сему избранному народу самъ Богъ учредилъ внѣшнее его богослуженіе, и въ знакъ истины даровалъ ему всѣ общественные символы и

обряды, въ коихъ, какъ въ отпечаткахъ, содержались великія внутреннія истины Святилища.

Сію внѣшнюю церковь Богъ освятилъ во Авраамѣ, далъ ей заповѣди въ Моисеѣ, и обѣщалъ ей обѣтованіе высочайшаго ея совершенства въ двукратномъ пришествіи Іисуса Христа: — сперва въ собственномъ его бытіи на земли въ нищетѣ и страданіи, а потомъ въ сообщеніи Духа его во славѣ воскресшаго.

Какъ же основаніе внѣшней Церкви положилъ самъ Богъ: то весь составъ образовъ внѣшняго богослуженія составлялъ Храмовую, или Священническую науку тѣхъ временъ, и всѣ таинства святѣйшихъ внутреннихъ истинъ чрезъ Откровеніе вступили во внѣшнее.

Знаніе сей священной символической науки составляло науку возсоединенія падшаго человѣка съ Богомъ. Отсюда то Религія получила свое имя, яко ученіе о *возсоединеніи*

разлученнаго и удаленнаго отъ Бога человѣка съ началомъ.

Изъ сего чистаго понятія слова *Религія* вообще легко видѣть можно, что Религія во внутреннѣйшемъ Святилищѣ одна, и что множество внѣшнихъ религій никогда сей единичности ни перемѣнить, ни ослабить не можетъ; ибо единица есть основаніе всему внѣшнему.

Храмовая мудрость Ветхаго Завѣта была въ рукахъ Священниковъ и Пророковъ.

Священнику повѣрялось наружное, буква, изображеніе, Іероглифъ.

Пророки хранили внутреннее, духъ, истину, — и всегдашнею ихъ должностію было обращать Священниковъ отъ буквы къ духу; ибо они часто забывали духъ, и оставались при одной буквѣ.

Наука Священническая была наука знанія внѣшнихъ образовъ.

Наука Пророческая была знаніе и практическое стяжаніе духа и истины тѣхъ образовъ. Въ наруж-

номъ была буква, во внутреннемъ животворящій духъ.

И такъ въ Ветхомъ Завѣтѣ было два Училища: училище Священниковъ и училище Пророковъ. Первое занималось эмблеммами: а послѣднее истинами, подъ ними разумѣваемыми.

Священники обладали наружнымъ ковчегомъ, хлѣбомъ, свѣщникомъ, манною, жезломъ Аароновымъ: а Пророки внутренними духовными истинами, представляемыми чрезъ сіи образа.

Внѣшняя церковь Ветхаго Завѣта была видима, внутренняя же всегда была и должна быть невидима; и однакожъ она управляла всѣмъ, ибо ей одной ввѣрена власть и сила.

Наружное богослуженіе, отдѣлясь отъ внутренняго, пало; и Богъ многими послѣдствіями достопамятныхъ произшествій подтвердилъ ту истину, что буква не можетъ стоять безъ духа, — что она служитъ только для препровожденія къ духу, и что она не

нужна и самимъ Богомъ отвергается, когда оставляетъ свое назначеніе.

Какъ духъ Натуры разпространяется въ самыя дикія степи, дабы все оживлять, сохранять и возращать, что токмо расти можетъ: такъ и духъ Свѣта во внутреннемъ разпространялся по всѣмъ народамъ, дабы внутреннимъ духомъ вездѣ одушевить грубую букву. Потому-то мы находимъ Іова между идолопоклонниками, Мельхиседека въ народѣ иноплеменномъ, Іосифа у Египетскихъ жрецовъ, и Моисея въ землѣ Мадіамской, въ доказательство, что внутреннее сообщество Свѣтоспособныхъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ соединено было въ единомъ духѣ и въ единой истинѣ.

За всѣми сими Дѣйствователями Свѣта внутренняго единственнаго Общества, въ срединѣ временъ, послѣдовалъ главнѣйшій Дѣйствователь, самъ Іисусъ Христосъ, Царе-

священникъ по чину Мельхиседекову.

Божескіе Дѣйствователи въ Ветхомъ Завѣтѣ представляли только почастно то, или то совершенство Божіе: но въ срединѣ временъ долженствовало возпослѣдовать мощное дѣйствіе, все вдругъ и въ единомъ показавшее. Явился всеобщій Образецъ, который намѣченнымъ чертамъ картины далъ полное единство, отверзъ новую дверь, и избавилъ человѣковъ отъ плѣна и рабства; — строгость привелъ въ любовь, и, яко изтекшій образъ самой Премудрости, показалъ человѣку всю великость существа его, снова оживилъ его во всѣхъ силахъ, увѣрилъ въ безсмертіи, и умное его существо содѣлалъ истиннымъ Храмомъ Духа.

Сей высочайшій Дѣйствователь, Искупитель міра и всеобщій Возродитель, устремилъ весь взоръ къ той истинѣ, коею человѣкъ могъ сохранить свое бытіе, и возвра-

тить себѣ прежнее достоинство. Въ уничиженіи своемъ положилъ онъ основаніе къ искупленію рода человѣческаго, и увѣрилъ, что нѣкогда онъ совершенно подастъ оное Духомъ своимъ, какъ-то истинно показалъ онъ надъ своими Апостолами вкратцѣ все, что съ его Избранными случится.

Между Избранными своими, которымъ послалъ Онъ Духа истины, продолжалъ Онъ цѣпь внутренняго Свѣтоноснаго Общества, и ввѣрилъ оному всѣ Божественныя и естественныя истины, во свидѣтельство того, что онъ внутренней своей Церкви никогда не покинетъ.

Когда буква и прообразовательное богослуженіе внѣшней церкви Ветхаго Завѣта, вочеловѣченіемъ Спасителя, перешли въ истину и событіе, и въ лицѣ Искупителя подтвердились: тогда опять новые символы сдѣлались нужными для внѣшности, которые бы въ буквѣ

показывали намъ будущее, или всецѣлое совершеніе искупленія.

По симъ непреложнымъ кореннымъ истинамъ учреждены были прообразовательные обряды и чиноположенія наружной Христіанской церкви, которыя возвѣщали вещи неописанной силы и величайшей важности, извѣстныя токмо тѣмъ, кои вѣдали самое внутреннее Святилище.

Сіе внутреннее Святилище пребывало всегда непремѣннымъ и непоколебимымъ, хотя внѣшнее религіи, буква, по временамъ и обстоятельствамъ, получала различныя преобразованія и отошла отъ внутреннихъ истинъ, которыя могутъ сохранять наружное только какъ букву.

Неуваженіе къ истинной цѣли Христіанства и желаніе все переправить перемѣнило наружное зданіе и облекло тьмою и смертію то, что во внутреннемъ было свѣтъ и жизнь. Возстали расколы и ереси, и софистической духъ хотѣлъ изъ-

яснить букву, потерявъ уже духа истины.

Невѣріе довело порчу сію до высочайшей степени; искали потрясти Христіанство въ самыхъ первыхъ его основаніяхъ, и смѣшали святое внутреннее съ наружнымъ, подверженнымъ немощи и невѣжеству бренныхъ человѣковъ.

Возсталъ Деизмъ. Онъ породилъ Матеріализмъ, который всю связь человѣка съ вышними силами почелъ за мечту: а наконецъ настало и совершенное отрицаніе Бога — частію умомъ, частію сердцемъ — послѣднее и крайнѣйшее уничиженіе человѣка!

При всемъ томъ Истина всегда оставалась непоколебимою во внутреннемъ.

Пребывая вѣрными Духу истины, обѣщавшему никогда не оставлять своихъ, сіи члены внутренней Церкви жили въ тихомъ уединеніи и непрестанной дѣятельности, и Храмовую науку Ветхаго Завѣта соединяли съ Новозавѣтнымъ духомъ Искупи-

тель, смиренно ожидая того великаго часа, когда Господь созоветъ ижъ и соберетъ свою Церковь, дабы каждой мертвой буквѣ дать внѣшнюю силу и жизнь.

Сіе внутреннее Свѣтоносное Общество есть соединеніе всѣхъ Свѣтоспособныхъ и Избранныхъ, и разумѣется подъ именемъ Общества *Святыхъ*.

Сему Свѣтоносному Обществу издревле ввѣрены были всѣ силы и истины; и оно одно, какъ говоритъ святый Павелъ, обладало наукою Святыхъ. Въ немъ образовались въ каждомъ вѣкѣ Повѣренные, Дѣйствователи Божіи, изходившіе изъ внутренняго въ наружное, и сообщавшіе мертвымъ буквамъ духъ и жизнь, какъ выше сказано.

Сіе просвѣщенное Общество издревле было истиннымъ Училищемъ Духа Божія; и яко Училище, оно имѣетъ также свою каѳедру и своего Магистра; книгу, изъ которой ученики учатся; формы и предметы,

которымъ учатся, и методу, по которой учатся.

Первая и самая низшая степень состоитъ въ нравственной доброте при которой простая, Богу покоренная воля, чистымъ возбужденіемъ — которое возбужденіе есть самъ Христосъ, вѣрою возпріятый, — руководствуется къ добру. Средства, духомъ сего Училища употребляемыя, называются *Внушенія*, или *Вдохновенія*.

Вторая степень состоитъ въ просвѣщеніи разума, чрезъ которое добродѣтельный и съ Богомъ соединенный человѣкъ увѣнчеваетъ умъ свой Премудростію и свѣтомъ познанія; и средства къ тому называются внутренними *Просвѣщеніями*.

Наконецъ третья и высочайшая степень есть совершенное отверстіе внутренняго нашего чувствилища, чрезъ что внутренній человѣкъ достигаетъ до настоящаго созерцанія метафизическихъ дѣйстви-

тельныхъ истинъ. На сей высочайшей степени вѣра переходитъ въ созерцаніе; и средства, употребляемыя къ сему Духомъ, суть истинныя *Видѣнія*.

Сіи-то суть три степени истиннаго Училища Премудрости внутренней свѣтоносной Церкви. Тотъ же Духъ, который творитъ человѣковъ способными къ сей Церкви, сообщаетъ и степени сіи, по мѣрѣ содѣйствія ихъ.

Сіе Училище Премудрости было всегда тайнѣйшее и сокровеннѣйшее въ мірѣ, ибо всегда было невидимо и подчинено единственно Божескому правленію.

Никогда не было оно подвержено непостоянству времени и немощи человѣческой, ибо всегда въ оное избирались только самые способнѣйшіе; и Духъ, избиравшій ихъ, не могъ обмануться въ выборѣ.

Изъ сего Училища произрасли отрасли всѣхъ высокихъ наукъ, которыя, бывъ приняты внѣшними

училищами, преображены въ иныя формы, и часто были обезображиваемы.

Сіе внутреннее общество Мудрыхъ, по временамъ и обстоятельствамъ, сообщало всѣмъ наружнымъ обществамъ образовательные свои Іероглифы, дабы наружныхъ человѣковъ сдѣлать внимательными къ великимъ истинамъ внутренняго.

Но всѣ наружныя общества продолжались только до тѣхъ поръ, пока сіе внутреннее сообщало имъ своего духа. Какъ же скоро замышляли они сдѣлаться независимыми отъ внутренняго, и Храмъ Премудрости претворить въ политическое зданіе: то внутреннее отъ нихъ отставало, и они оставались только бездушною буквою.

Такимъ образомъ всѣ внѣшнія тайныя училища Премудрости были токмо изъ Іероглифовъ вышканныя завѣсы, самая же истина скрывалась всегда во Святилищѣ, дабы не быть оскверненною.

Въ семъ внутреннемъ обществѣ находитъ человѣкъ Премудрость, и съ нею все; — не мудрость міра, которая есть только знаніе безъ Премудрости, — которая бродитъ только около внѣшней оболочки и никогда не касается центра, всѣ силы въ себѣ содержащаго: — тамъ находятъ истинную Премудрость, и людей, ей посвященныхъ, — людей лучшихъ въ семъ мірѣ; тамъ находятъ мудрыхъ, добрыхъ человѣковъ, а не гордыхъ Ученыхъ.

Всѣ споры, всѣ распри, всѣ предметы ложной мірской мудрости, всѣ странныя ученія, суетныя мудрованія, несчастныя порожденія мнѣній, засѣвающихъ сѣмена раздора; всякія заблужденія, секты и системы не переступаютъ за прагъ сего Храма. Тамъ не найдешь ничего ни безчестнаго, ни бездѣльнаго, каждый человѣкъ тамъ почтенъ; сатира, остроуміе, столь часто роскошествующія на счетъ другихъ,

тамъ не извѣстны, а извѣстна одна любовь.

Злословіе — сіе чудовище міра! — никогда между друзьями Премудрости не воздымаетъ змѣиной главы своей. — Щадить и любить, одни слова здѣсь извѣстныя! Здѣсь не смѣются надъ недостатками, не дѣлаютъ горькихъ упрековъ за проступки, бережно и съ любовію ведутъ по пути истины; — тщатся убѣдить, тронуть, а наказаніе предоставляютъ яснѣйшему познанію и свѣту; — здѣсь вспомоществуютъ нуждамъ, подкрѣпляютъ слабость, радуются о успѣвающемъ и о высокомъ его достоинствѣ.

Счастіе, даръ случая, не возвышаетъ здѣсь одного надъ другимъ; — тотъ почитаетъ себя счастливѣйшимъ, кто имѣетъ случай благотворить другому.

И всѣ сіи человѣки, соединенные токмо духомъ любви и истины, составляютъ невидимую Церковь, Общество невидимаго царствія вну-

тренняго подъ единымъ Предстоятелемъ, который есть самъ Богъ.

Подъ симъ обществомъ не должно представлять себѣ какое нибудь тайное собраніе, которое въ извѣстное время собирается, избираетъ своихъ начальниковъ и сочленовъ, и предполагаетъ себѣ какую либо особенную цѣль. Всѣ общества, какія бы они ни были, должны уступить сему внутреннему обществу въ мудрости. Оно не знаетъ никакихъ обрядовъ, которые суть твореніе внѣшней оболочки, твореніе человѣческое: въ царствѣ силъ всѣ наружныя формы изчезаютъ.

Самъ Богъ есть непремѣнный Глава онаго. Лучшій изъ человѣковъ того времени есть первый Намѣстникъ его. Онъ не знаетъ самъ всѣхъ своихъ членовъ; но естьли, по намѣреніямъ Божескимъ, надобно будетъ ему узнать ихъ: то въ тужъ минуту онъ вѣрно находитъ

ихъ въ мірѣ готовыми содѣйствовать къ предназначенной цѣли.

Въ семъ обществѣ нѣтъ никакихъ наружныхъ отличій. Кто употребляется къ дѣйствованію отъ Бога, тотъ и есть первый, является другимъ безъ надменности, и пріемлется ими безъ зависти. Естьли же нужно бываетъ истиннымъ сочленамъ собраться: то они безошибочно находятъ и узнаютъ другъ друга, и подлога тутъ быть не можетъ; никакая маска лицемѣрія, никакое притворство не скроетъ характерныхъ чертъ сего Общества: ибо свойства сіи слишкомъ оригинальны, чтобы къ нимъ поддѣлаться было можно; личина тутъ сдирается, и все является въ прямомъ своемъ видѣ.

Никакой сочленъ не можетъ избрать другаго: избраніе сіе предоставляетъ себѣ Духъ всѣхъ. Всѣ человѣки къ сему призываются, и званые могутъ быть избранными, естьли они ко входу сюда созрѣютъ.

Входа сюда искать всякъ можетъ, и находящійся во внутреннемъ можетъ научить другаго, какъ искать онаго: но пока кто не созрѣлъ, не можетъ войти во внутреннее.

Незрѣлые человѣки внесли бы въ общество безпорядокъ, а безпорядокъ во внутреннемъ нетерпимъ; оно отвергаетъ все не свойственное, не однородное.

Мірская мудрость тщетно допытывается сего внутренняго, хитрость тщетно доискивается сокрытыхъ въ ономъ таинствъ: для того, кто не дозрѣлъ, все Іероглифъ; онъ не можетъ во внутреннемъ ни видѣть, ни читать.

Но созрѣвшій примыкается къ цѣпи сей; вступаетъ во внутреннее, и можетъ быть тогда, когда самъ о томъ не вѣдаетъ.

Стараться созрѣть должно быть работою Любителя Премудрости. Есть также и средства къ созрѣванію.

Въ семъ внутреннемъ Обществѣ храняться всѣ первоначальныя знанія человѣческаго рода, всѣ первоначальныя науки; оно одно имѣетъ ключь ко всѣмъ тайнамъ и знаетъ внутреннее Натуры и творенія; оно есть такое общество, которое примыкается къ вышнимъ силамъ, и членами своими считаетъ жителей не одного міра; оно есть такое общество, котораго сочлены образуютъ Геократическое (Богомъ правимое) Правительство, которое нѣкогда будетъ центромъ Правительствъ всего міра.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Истина, скрывающаяся во внутреннѣйшемъ таинствѣ, подобна солнцу. Орлиному только оку, просвѣщенному токмо уму, дозволяется взирать на нее: глаза всякаго другаго смертнаго ослѣпляются ею, и во свѣтѣ объемлетъ его тьма. Великое *Нѣто*, скрывающееся во внутреннѣйшемъ святыхъ таинствъ, никогда не было сокрыто отъ орлинаго взора Свѣтоспособнаго.

Богъ и Натура не имѣютъ никакихъ таинъ для чадъ своихъ. Тайна заключается токмо въ нашей немощи, неспособной сносить свѣтъ и неуготованной къ цѣломудренному воззрѣнію на нагую истину.

Сія наша немощь есть облако, покрывающее Святилище; она есть

завѣса, заграждающая входъ во Святая Святыхъ.

Но дабы человѣкъ могъ паки пріобрѣсть потерянный свѣтъ, потерянную силу, потерянное достоинство свое: то любообильный Богъ снизошелъ къ слабости тварей своихъ, и написалъ внутреннія вѣчныя истины и таинства на внѣшности вещей, дабы человѣкъ могъ паки получить букву, и чрезъ нее вознестись къ духу.

Сіи буквы суть внѣшніе обряды Религіи, которая ведетъ ко внутреннему, дѣятельному, живому духу воссоединенія съ Богомъ.

Такіяже буквы суть и Іероглифы въ Мистеріяхъ, чертежи и образа внутреннихъ святыхъ истинъ, скрывающихся за сею Іероглифическою завѣсою, предъ Святилищемъ простертою.

Религія и Мистеріи, давъ другъ другу руку, взаимно спомоществуютъ себѣ въ приведеніи человѣковъ, братьевъ нашихъ, къ единой исти-

нѣ. Обоя имѣютъ цѣлію обращеніе наше и обновленіе существа нашего; обоя стараются о возстановленіи Храма, въ коемъ бы обитали Премудрость съ Любовію, или Богъ съ человѣкомъ.

Но и Религія и Мистеріи были бы безполезныя установленія, естьли бы Божество не даровало имъ истинныхъ и дѣйствительныхъ средствъ къ достиженію великой ихъ цѣли.

Сіи средства всегда скрывались во внутреннѣйшемъ Святилища. Мистеріи служатъ къ сооруженію Храма Религіи, а Религія къ соединенію въ ономъ человѣковъ съ Богомъ.

Вотъ сколь велика Религія, и какого высокаго достоинства Мистеріи всѣхъ временъ!

Оскорбительно было бы для васъ, сердечно-возлюбленные Братья, естьли бы мы возмнили, что вы когда либо на святыя таинства взирали не изъ сей точки зрѣнія, представляющей ихъ единственнымъ сред-

ствомъ къ сохраненію въ чистотѣ и истинѣ ученія важнѣйшихъ истинъ о Богѣ, Натурѣ и человѣкѣ, облеченныхъ во святый прообразовательный языкъ; важнѣйшихъ истинъ, которыя, бывъ по временамъ прелагаемы на обыкновенный человѣческій языкъ между непросвѣщенными, дѣлались отчасу темнѣе и невразумительнѣе.

Мистеріи, какъ вамъ извѣстно, нѣжно-возлюбленные Братья, обѣщаютъ таинства, которыя были и будутъ всегда наслѣдіемъ немногихъ токмо человѣковъ; таинства, которыя не продаются, ни съ каѳедры публично не проповѣдуются; таинства, къ которымъ способно только сердце, стремящееся къ Премудрости и Любви, и въ которомъ Премудрость и Любовь уже возбуждены.

Въ комъ возгорѣлось сіе священное пламя, тотъ истинно счастливъ, всѣмъ доволенъ, и въ неволѣ свободенъ. Онъ видитъ причину чело-

вѣческихъ развратовъ, и знаетъ ихъ неизбѣжность; никакого преступника не ненавидитъ, а сожалѣетъ о немъ; старается поднять падающаго, исправить заблуждающаго, не погашаетъ курящейся свѣтильни, не сокрушаетъ преломленной трости; ибо чувствуетъ, что при всей испорченности, въ цѣломъ ничто еще не испорчено. Онъ разсматриваетъ прямымъ взоромъ истину всѣхъ системъ религій въ первомъ ихъ основаніи, знаетъ источники суевѣрія и невѣрія, какъ измѣненія истины, не получившей еще вездѣ равномѣрности.

Мы увѣрены, Достойнѣйшіе Братья! что изъ сей точки зрѣнія разсматриваете вы Мистика, и не приписываете въ вину царственной его наукѣ то, что частная опрометчивость нѣкоторыхъ, по временамъ и обстоятельствамъ, творила.

По симъ положеніямъ, которыя совершенно наши, разсматривать вы будете религію и таинства свя-

тыхъ Училищъ Премудрости, яко сестръ, которыя, держа другъ друга за руку, старались всегда о благѣ всѣхъ человѣковъ, съ самой той минуты, какъ онѣ сдѣлались нужными.

Религія раздѣляется на внѣшнюю и внутреннюю. Внѣшняя имѣетъ предметомъ богослуженіе и обряды, внутренняя поклоненіе духомъ и истиною.

Равно и Училища Премудрости раздѣляются на внѣшнія и внутреннія: внѣшнія обладаютъ буквою Іероглифовъ, внутреннія духомъ и смысломъ.

Внѣшняя религія соединяется съ внутреннею чрезъ обряды: внѣшнее училище Мистерій соединяется съ внутреннимъ чрезъ Іероглифы.

Но мы приближаемся къ тому времени, когда духъ оживотворитъ букву; облако, покрывающее Святилище, изчезнетъ; Іероглифы перейдутъ въ видимость, а слова въ смыслъ.

Мы приближаемся къ тому времени, въ которое великая завѣса, скрывающая Святая Святыхъ, раздерется; чтитель святыхъ таинствъ будетъ изъясняться не внѣшними уже словами и знаками, а духомъ словъ и истиною знаковъ.

Равно и Религія не будетъ болѣе наружнымъ только обрядомъ: но внутреннія святыя таинства перейдутъ въ наружное богослуженіе, дабы пріуготовить человѣковъ къ поклоненію Богу духомъ и истиною.

Скоро изчезнетъ мрачная ночь образовательнаго языка; свѣтъ породитъ день, и священный мракъ таинствъ предстанетъ въ сіяніи высочайшей истины.

Пути свѣта уготованы для Избранныхъ и Свѣтоспособныхъ; свѣтъ Натуры, свѣтъ Разума, и свѣтъ Откровенія соединятся.

Преддвоpіе Натуры, Храмъ Разума и Святилище Откровенія составятъ одинъ Храмъ. Такъ совершится великое оное строеніе, состоя-

щее въ соединеніи человѣка съ Натурою и Богомъ.

Совершенное познаніе человѣка, совершенное познаніе Натуры, совершенное познаніе Бога будутъ свѣтильниками вождямъ человѣчества, дабы братьевъ ихъ, человѣковъ, препровождать отвсюду съ темныхъ путей предразсудковъ къ чистому разуму, и со стезей бурныхъ страстей къ спокойнымъ путямъ самопреданія и добродѣтели.

Вѣнцемъ Владыкъ міра будетъ *разумъ;* скипетромъ, дѣятельная *любовь;* а Святилище дастъ имъ *помазаніе* и силу къ освобожденію *умовъ* людскихъ отъ предразсудковъ и тьмы, *сердецъ* отъ страстей самолюбія и своекорыстія, и *физическаго* ихъ *бытія* отъ утѣснительной бѣдности и удручительной болѣзни.

Мы приближаемся къ царству Истины и Любви, къ царству самаго Бога, Источника свѣта. — Братья свѣта! Одна только есть религія, коей единственная истина раздѣ-

лилась во всѣ религіи, какъ въ вѣтьви, дабы изъ множественности привесть паки въ одну религію.

Сыны Истины! Одинъ только Орденъ, одно собратство, одинъ союзъ единомысленныхъ, свѣтоспособныхъ, чрезъ который можно достигать свѣта, изъ средоточія коего неразуміе воздвигло безчисленное множество Орденовъ, думая обратить всѣхъ отъ множественности мнѣній къ единственной истинѣ и истинному союзу, который есть союзъ Свѣтоспособныхъ, или сообщество Избранныхъ.

По сему размѣру должны измѣряемы быть всѣ религіи и человѣческіе союзы. Множественность находится въ обрядахъ внѣшняго: истина же одна, и есть токмо во внутреннемъ.

Множество собратствъ зависитъ отъ множества толковъ на Іероглифы, по временамъ, нуждамъ и обстоятельствамъ: истинное же Свѣтоносное общество должно быть одно.

Все внѣшнее есть буква, разрознивающаяся непрестанно: но единичность духа во внутреннемъ никогда не перемѣнлется и не ослабѣваетъ.

Буква была нужна; мы должны были научиться найти ее, сложить ее и прочесть, дабы паки достигнуть внутренняго смысла и духа.

Всякія заблужденія, всякія разколы, всякіе кривые толки, и все, что въ религіяхъ и тайныхъ обществахъ подало поводъ къ толь многимъ заблужденіямъ, принадлежатъ къ буквѣ: духъ же всегда оставался неприкосновенъ и святъ. Все касалось наружной завѣсы, на которой написаны были Іероглифы, обряды и чиноположенія: до внутренняго же ничто не касалось.

Все, что заблужденіе, недоразумѣніе, своекорыстіе и алчность во зло употребили, было только наружное, что на коврѣ, что на завѣсѣ было начертано: но что за завѣсою было, то осталось чисто и свято.

Нынѣ настаетъ время совершенства ищущихъ свѣта, Свѣтоспособныхъ, Избранныхъ.

Настаетъ время, въ которое ветхое съ новымъ, внѣшнее со внутреннимъ, верхнее съ нижнимъ, сердце съ разумомъ, человѣкъ съ Богомъ соединятся; и сія эпоха предоставлена нынѣшнему столѣтію.

Не спрашивайте, Возлюбленные Братья! для чего нынѣшнему столѣтію?

Всему есть свое время между существами, заключенными во времени и пространствѣ. Таковы непремѣнные законы Премудрости Божіей, все учреждающей къ гармоніи и совершенству.

Избранные долженствовали прежде потрудиться въ снисканіи Премудрости и Любви, дабы заслужить ту силу, которую неизмѣняющееся Божество даетъ только мудрому и любящему.

Въ ночи ожидаемъ мы утра, на конецъ возходитъ солнце и всту-

паетъ въ ясный полденъ, гдѣ всякая тѣнь отъ прямыхъ лучей его изчезаетъ. Такъ сперва долженствовала быть буква истины; потомъ пришелъ практическій Истолкователь, сама Истина; за симъ только можетъ пріити Духъ истины, утверждающій истину и налагающій на свѣтъ свою печать. Кто способенъ понимать истину, тотъ насъ пойметъ.

Къ вамъ, сердечно-возлюбленные Братья, постоянно стремившіеся къ истинѣ, и сохранившіе вѣрно Іероглифы святыхъ таинствъ во Храмѣ ихъ! Къ вамъ обращается первый лучь свѣта, проницающій сквозь облака таинствъ, дабы возвѣстить вамъ приближеніе полудня, и сокровищъ, кои онъ съ собой приноситъ.

Не спрашивайте: кто таковы пишущіе къ вамъ? Смотрите на духъ, а не на букву; на вещь, а не на лицо.

Не корыстолюбіе, не высокомѣріе, не неблагородное какое намѣре-

ніе владычествуетъ во дворахъ нашихъ. Мы вѣдаемъ цѣль назначенія человѣческаго; и свѣтъ, насъ освѣщающій, учреждаетъ всѣ наши поступки.

Мы именно призваны писать къ вамъ, во свѣтѣ возлюбленные Братья! и порукою нашего званія суть истины, коими мы обладаемъ, и которыя, при малѣйшемъ мановеніи вашемъ, будемъ сообщать вамъ, по способностямъ вашимъ.

Сообщительность свойственна свѣту, гдѣ свѣтъ пріемлется и гдѣ къ принятію его способность находится. Но никогда насильно онъ не внѣдряется, а ожидаетъ спокойнаго принятія.

Воля наша, цѣль наша, званіе наше то, чтобы повсюду оживлять мертвую букву; повсюду давать Іероглифамъ духъ, а бездушнымъ знакамъ живую истину; повсюду дѣлать недѣйствующее дѣйствующимъ и мертвое живымъ: но все сіе можемъ мы не сами собою, а

свѣтомъ Духа Того, Который есть Премудрость, Любовь и Свѣтъ міра, и который хочетъ содѣлаться духомъ и свѣтомъ и вашимъ.

Донынѣ внутреннѣйшее Святилище отлучено было отъ Храма, и Храмъ подверженъ былъ нападеніямъ отъ находившихся въ Преддворіяхъ. Теперь настаетъ время, когда самое внутреннѣйшее Святилище паки соединится съ Храмомъ, дабы сущіе во Храмѣ могли дѣйствовать на живущихъ въ Преддворіяхъ, пока Преддворія не изпровергнутся.

Въ нашемъ Святилищѣ, скрывающемся во внутреннѣйшемъ, всѣ таинства Духа и Истины сохранены невредимо; они и не могли никогда быть искажены нечестивыми, ни осквернены нечистыми.

Сіе Святилище невидимо, какъ сила, только по дѣйствію познаваемая.

Изъ сего краткаго начертанія вы узнаете, Любезные Братья, кто мы таковы; и излишне было бы

удостовѣрять васъ, что мы не изъ числа тѣхъ безпокойныхъ головъ, которыя хотятъ учредить въ гражданскомъ обществѣ мечту своей фантазіи; — не принадлежимъ также и къ тѣмъ, которые желаютъ играть въ мірѣ важную роль и обѣщаютъ чудеса, коихъ сами не знаютъ; — ни къ тѣмъ, которые по неудовольствіямъ хотѣли бы отмстить нѣкоторымъ состояніямъ, или которые имѣютъ цѣлію властолюбіе, нелѣпости и сумасбродство.

Мы можемъ васъ увѣрить, что мы не принадлежимъ ни къ какой сектѣ и ни къ какому обществу, кромѣ великаго и истиннаго общества всѣхъ Свѣтоспособныхъ; и что никакая особенная партія, какая бы то ни была, не имѣетъ здѣсь ни малѣйшаго вліянія. Мы можемъ только увѣрить васъ вѣрою и вѣрностію нашею, что мы внутреннѣйшее Религіи и святыхъ Таинствъ дѣйствительно знаемъ; и то, что

во внутреннѣйшемъ оныхъ когда либо сокрытымъ предполагалось, дѣйствительно имѣемъ. И сіе-то самое обладаніе даетъ намъ силу удостовѣрить васъ въ званіи нашемъ, и вездѣ мертвому Іероглифу и буквѣ сообщить духъ и жизнь.

Сокровища нашего Святилища велики. Мы имѣемъ смыслъ и духъ всѣхъ Іероглифовъ и обрядовъ, какіе только со дня творенія до нынѣшнихъ временъ существовали, и внутреннѣйшія истины всѣхъ священныхъ книгъ, съ обрядными законами древнѣйшихъ народовъ, вѣдаемъ.

Мы обладаемъ Свѣтомъ, насъ помазующимъ, и чрезъ который мы сокровеннѣйшее Натуры разумѣемъ.

Мы обладаемъ Огнемъ, насъ питающимъ и дающимъ силу дѣйствовать на все, въ Натурѣ сущее.

Мы обладаемъ Ключемъ, отпирающимъ источники таинствъ, и Ключемъ, запирающимъ работныя храмины Натуры.

Мы обладаемъ знаніемъ Союза, соединяющаго насъ съ вышними мірами, и знаемъ тоны и вещи тѣхъ вышнихъ міровъ дѣлать чувственными.

Все чудесное въ Натурѣ покорено силѣ воли нашей, соединенной съ Божествомъ.

Мы обладаемъ Наукою почерпать идеи изъ самой Натуры, въ коей нѣтъ заблужденія, а одна истина и свѣтъ.

Въ Училищѣ нашемъ всему научиться можно; ибо Учитель нашъ есть самъ Свѣтъ и его Духъ. Полнота вѣдѣнія нашего состоитъ въ знаніи союза Божественнаго міра съ духовнымъ, духовнаго съ стихійнымъ, и стихійнаго съ матеріальнымъ.

Чрезъ сіи знанія мы можемъ располагать духами, Натурою, и сердцемъ человѣческимъ.

Науки наши суть обѣщанное наслѣдіе Избранныхъ, или Свѣтоспособныхъ: а практика нашихъ наукъ

состоитъ въ исполненіи Божескаго завѣта съ сынами человѣческими.

Мы могли бы, дражайшіе Братья! насказать вамъ чудеса о вещахъ, въ сокровищницахъ Святилища скрывающихся, такъ что вы удивились бы и пришли отъ сего въ изумленіе. Мы могли бы насказать вамъ о такихъ вещахъ, отъ понятія которыхъ самый глубокомысленнѣйшій философъ такъ далекъ, какъ земля отъ солнца, и къ которымъ мы такъ близки, какъ свѣтъ ко внутреннѣйшему всѣхъ существъ.

Но нѣтъ у насъ намѣренія возбуждать въ васъ любопытство. Токмо внутреннее убѣжденіе и жажда ко благу братьевъ нашихъ, человѣковъ, должны побуждать Свѣтоспособнаго къ тому Источнику, гдѣ жажда его къ Премудрости и гладъ къ Любви утолены быть могутъ.

Премудрость и Любовь обитаютъ во дворахъ нашихъ; здѣсь нѣтъ никакого принужденія: истинность прелестей ихъ есть волшебная наша сила.

Мы можемъ васъ увѣрить, что въ нашихъ внутреннѣйшихъ таинствахъ скрываются сокровища неописанной цѣны, закрытыя такою простотою, что для гордаго Ученаго пребудутъ они навсегда неприступными; — сокровища, которыя для многихъ непросвѣщенныхъ суть безумiемъ и соблазномъ, а для насъ суть и пребудутъ истинною Премудростiю.

Благо вамъ, Братья, ежели вы сiи великiя истины ощущаете! Возвращеніе троякаго слова и силы его будетъ наградою вашею; блаженствомъ же вашимъ будетъ получить силу содѣйствовать къ соединенiю человѣковъ съ человѣками, съ Натурою и Богомъ: — что и есть истинная работа всякаго зиждущаго, который не отвергъ краеугольнаго камня.

Теперь исполнили мы званіе наше и возвѣстили вамъ приближеніе самаго полудня и соединеніе внутреннѣйшаго Святилища со Храмомъ:

прочее предоставляемъ свободной вашей волѣ.

Мы знаемъ, къ горестному соболѣзнованію нашему, что какъ Искупитель, пришедши къ намъ въ убожествѣ, лично былъ не признанъ, поруганъ и гонимъ: такъ и Духъ его, когда явится во славѣ, многими будетъ отринутъ и презрѣнъ. Но не смотря на то, должно однакожъ пришествіе Духа его возвѣстить во Храмахъ, да сбудется Писаніе: „Я стучалъ у дверей вашихъ, и вы „мнѣ не отворили; я звалъ, и вы „гласа моего не услышали; я при„глашалъ васъ на бракъ, и вы заня„лись другими дѣлами.

Миръ Свѣта и Его Духъ да будутъ съ вами!!!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Какъ неизчислимое множество чиселъ теряется въ одномъ числѣ, которое есть основаніе всѣхъ чиселъ, единицѣ; и какъ неисчетные радіусы круга стекаются въ одинъ центръ: такъ и необозримыя таинства, іероглифы и эмблеммы имѣютъ предметомъ одну только истину. Кто ее позналъ, тотъ нашелъ ключь къ познанію всего вдругъ.

Единъ есть Богъ, одна истина, одинъ путь, ведущій къ сей великой истинѣ, и одно средство найти ее.

Кто нашелъ сіе средство, тотъ получилъ съ онымъ

Всю Премудрость въ одной книгѣ,

Всѣ силы въ одной силѣ,

Всѣ красоты въ одномъ предметѣ,

Всѣ богатства въ одномъ сокровищѣ,

Всѣ блаженства въ одномъ благѣ:

А *сумма* всѣхъ сихъ совершенствъ есть Іисусъ Христосъ, распятый и воскресшій.

Хотя сія великая истина, какъ мы ее здѣсь представляемъ, есть предметъ Вѣры: однако она можетъ быть предметомъ и Науки и Опыта, естьли мы стараться будемъ научиться, какъ Христосъ всѣмъ симъ быть и учиниться можетъ.

Сія великая тайна всегда была предметомъ ученія въ тайномъ Училищѣ невидимой внутренней Церкви. Сіе ученіе въ первыя времена Христіанства извѣстно было подъ именемъ таинственнаго ученія (Disciplina arcani); и изъ сего таинственнаго Училища вышли всѣ обряды и чиноположенія наружной Церкви, хотя духъ сихъ великихъ и святыхъ истинъ скрылся во внутреннее, и въ нынѣшнія времена кажет-

ся едва познается любящими одно наружное.

Давно предсказано, Любезные Братья, что въ послѣднія времена все тайное сдѣлается явнымъ: но также предсказано и то, что въ сіи времена возстанутъ многіе лжепророки, и вѣрующимъ дана заповѣдь не всякому духу вѣровать; а испытывать духи, аще отъ Бога суть. 1. *Іоан.* Гл. IV. ст. 1. и слѣд.

Какъ же сіе испытывать, о томъ говоритъ самъ Апостолъ. Ежели какой духъ признаетъ Іисуса Христа во плоти пришедшимъ, то онъ отъ Бога: а который Іисуса раздѣляетъ, то есть отдѣляетъ Его божество отъ человѣчества, тотъ не есть отъ Бога.

И такъ Любезные Братья, симъ испытуется Духъ Истины, и получаетъ печать Божественности, когда исповѣдуетъ Христа во плоти пришедша.

Мы исповѣдуемъ, что Христосъ пришелъ во плоти, и потому Духъ

Истины говоритъ чрезъ насъ. Но тайна пришествія Христова во плоти весьма обширна, и заключаетъ въ себѣ познаніе всего Богочеловѣческаго, которое мы теперь избираемъ предметомъ нашего поученія.

Какъ мы говоримъ не съ новичками уже въ дѣлахъ Вѣры: то для васъ, Любезные Братья, тѣмъ легче будетъ понимать высокія истины, кои мы вамъ предложить намѣрены; поелику вы, безъ сомнѣнія, разные предуготовительные предметы часто уже избирали цѣлію священныхъ вашихъ размышленій.

Религія, взятая за науку, есть ученіе о возсоединеніи разлученнаго съ Богомъ человѣка; и потому единственная цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы каждаго члена рода человѣческаго, а наконецъ и все человѣчество, соединить съ Богомъ: въ которомъ соединеніи единственно человѣки могутъ ожидать высочайшаго временнаго и духовнаго блаженства, и онымъ наслаждаться.

И такъ сіе ученіе о возсоединеніи есть высочайшей цѣны; и поелику оно есть наука, то необходимо должно имѣть и свой образъ ученія, или свою *методу*, чрезъ что бы

Во 1 хъ вело оно насъ къ познанію истиннаго средства возсоединенія;

Во 2 хъ, по узнаніи сего средства, научало бы насъ самому способу, какъ употреблять сіе средство сообразно съ цѣлію.

Сего великаго средства возсоединенія, на которое цѣлитъ все ученіе Религіи, человѣкъ никогда не узналъ бы безъ Откровенія. Оно находилось всегда внѣ круга учебныхъ знаній; и самое глубокое невѣжество, въ какое человѣкъ погрязъ, сдѣлало необходимымъ Откровеніе, безъ котораго мы никогда бы не нашли путей къ нашему возходу.

Изъ Откровенія произошла необходимость *вѣрить* Откровенію; ибо не знающій и не испытавшій необходимо долженъ сперва повѣрить,

чтобъ узнать и испытать вещь; потому что когда нѣтъ въ насъ вѣры, то мы мало заботимся объ Откровеніи, и сами себѣ заграждаемъ путь къ открытію средства, въ единомъ токмо Откровеніи содержащагося.

Откровеніе и Вѣра содержатся между собою такъ, какъ въ Натурѣ дѣйствіе и воздѣйствіе.

Гдѣ нѣтъ воздѣйствія, тамъ необходимо дѣйствіе престаетъ. Гдѣ нѣтъ Вѣры, тамъ не можно быть Откровенію. Но чѣмъ болѣе Вѣра, тѣмъ болѣе Откровеніе, или открытіе истинъ, во мракѣ скрывающихся, и только чрезъ довѣріе наше разкрыться могущихъ.

Хотя правда всѣ таинственныя истины Религіи, и самыя темнѣйшія и странными намъ кажущіяся Мистеріи, нѣкогда предъ судилищемъ самаго строжайшаго разума оправдятся: однакожъ немощь человѣческая и недостатокъ нашего проницанія въ разсужденіи всей связи

чувственной Натуры съ духовною, сдѣлали необходимымъ, что высочайшія истины постепенно только могутъ быть намъ представлены и открыты. Священный мракъ таинствъ находится только для немощи нашей: такъ какъ и ясный свѣтъ ихъ для того, чтобы немощь нашу мало по малу укрѣпить, и око наше пріучить къ зрѣнію полнаго свѣта.

Вѣрующій, возходя къ Откровенію, на каждой ступенькѣ получаетъ вышній свѣтъ познанія, и сей свѣтъ также постепенно дѣлается для него удостовѣрительнѣе; ибо каждая постигнутая истина Вѣры мало по малу дѣлается живою и переходитъ въ удостовѣреніе.

И такъ Вѣра основывается на немощи нашей и на ясномъ свѣтѣ Откровенія, который, сообщаясь намъ, долженъ соразмѣряться съ нашею способностію, дабы постепенно доставить намъ видимость вещей вышнихъ.

Предметы, къ узрѣнію которыхъ разумъ человѣческій никакой способности не имѣетъ, необходимо должны состоять въ области Вѣры. Человѣкъ долженъ токмо благоговѣть и молчать; естьли же захочетъ доказывать такія вещи, о которыхъ понятія не имѣетъ: то необходимо впадетъ въ заблужденіе. Благоговѣть и молчать человѣкъ долженъ, пока предметы, въ мрачной области Вѣры скрывающіеся, мало по малу вкругъ его прояснятся и сдѣлаются познавательнѣе. — Какъ же скоро мы получимъ внутренніе опыты истинъ Вѣры, и переведемся отъ Вѣры къ созерцанію: тогда все само себя докажетъ.

Во всѣ времена были Богопросвѣщенные мужи, которые сіе внутреннее прозрѣніе Вѣры имѣли, совершенно ли, или отъ части, по мѣрѣ, сколько сообщеніе истинъ Вѣры переходило въ умъ, или чувство. Сей родъ умозрѣнія названъ Божественнымъ Просвѣщеніемъ, вторичнымъ

Божескимъ вглаголаніемъ. У многихъ внутреннее чувствилище совсѣмъ отпкрывалось даже до созерцанія, посредствомъ котораго имѣли они Божественныя сверьхчувственныя видѣнія, кои назывались восхищеніями, или восторгами; потому что разкрывшееся внутреннее чувствилище превозмогало наружное чувственное.

Но таковые люди были всегда неизъяснимою загадкою для чувственнаго человѣка, да и должны пребыть для него загадкою; ибо онъ для сверьхчувственнаго и сверьхъестественнаго не имѣетъ чувства. И потому ни мало не удивительно, что многихъ, прозрѣвшихъ далѣе въ духовный міръ, назвали мечтателями, фанатиками, или и совсѣмъ сумасшедшими: ибо общее сужденіе людей основывается только на томъ, что чувства даютъ имъ понимать. Потому въ св. Писаніи весьма ясно сказано, что чувственный человѣкъ не понимаетъ того,

что духовно. Ибо какъ духовное его чувство для сверьхчувственнаго міра въ немъ еще не разкрылось: то необходимо онъ долженъ имѣть столь же мало понятія о семъ мірѣ, сколько слѣпой о цвѣтахъ.

И такъ наружный чувственный человѣкъ потерялъ сіе внутреннее и важнѣйшее чувство, или лучше сказать не радитъ о сокрытой въ немъ способности къ разкрытію сего чувства, не чувствуетъ ея, и слѣдовательно онаго не разкрываетъ.

И потому чувственные человѣки вообще духовно слѣпы. Внутреннее ихъ око закрыто, и сія слѣпота есть еще слѣдствіе паденія перваго человѣка. Тлѣнное вещество, покрывшее его, закрыло внутреннее духовное его око, и отъ того онъ сталъ слѣпъ для зрѣнія внутреннихъ міровъ.

Сугубо несчастенъ человѣкъ! Ибо не только носитъ повязку на глазахъ, закрывающую отъ него познаніе вышнихъ истинъ: но и самое

сердце его томится въ узахъ плоти и крови, лишающихъ его вышняго духовнаго удовольствія, и приковывающихъ его къ скотскимъ чувственнымъ наслажденіямъ. Такимъ образомъ мы находимся въ неволѣ у похотѣнія, подъ властію тиранствующихъ страстей, и, какъ изувѣченный, храмлющій на обѣ плѣснѣ бѣднякъ, съ трудомъ тащимся на двухъ хилыхъ костыляхъ натуральнаго нашего разума и натуральнаго чувства. Тотъ ежедневно выдаетъ намъ блескъ за истину, а сіе ежедневно заставляетъ насъ избирать зло вмѣсто добра. Толь бѣдственно наше состояніе!

Человѣки тогда только могутъ быть счастливыми, когда спадетъ съ глазъ ихъ повязка, заграждающая истинный свѣтъ; тогда только будутъ счастливы, когда разорвутся невольническія узы, отягчающія ихъ сердце. Слѣпой долженъ начать видѣть, хромой ходить, дабы быть счастливыми. Великій, но и стра-

шный законъ, отъ котораго неминуемо зависитъ блаженство человѣческое, есть слѣдующій: *Разумъ твой да господствуетъ надъ страстями твоими!*

Нѣсколько уже вѣковъ люди стараются сдѣлать другъ друга разумнѣе и благонравнѣе: но что принесло имъ все долговременное стараніе ихъ? Слѣпые хотятъ водить слѣпыхъ, хромые хромыхъ, и при всѣхъ глупостяхъ, нами надѣланныхъ, при всей бѣдности, какую мы на себя навлекли, не видимъ мы еще и того, что мы ничего не можемъ и имѣемъ нужду въ вышней силѣ, дабы выйти изъ сей бѣдности.

Предразсудки и заблужденія изъ вѣка въ вѣкъ смѣняли только другъ друга; пороки и злодѣянія измѣнялись только, а не истреблялись въ человѣчествѣ. Слѣпотствующій разумъ въ каждомъ вѣкѣ бродилъ ощупью въ потьмахъ, страстное сердце въ каждомъ столѣтіи оставалось тоже.

Одинъ только изцѣлить насъ можетъ, одинъ только въ состоянiи разкрыть внутреннее наше око къ узрѣнiю истины; одинъ только можетъ снять съ насъ цѣпи, тяготящiя насъ и дѣлающiя невольниками чувственности.

Сей одинъ есть Христосъ, Искупитель человѣковъ, Искупитель и по тому, что онъ хощетъ изхитить насъ изъ всѣхъ слѣдствiй, въ которыя слѣпота натуральнаго нашего разума и блужденiе страстнаго сердца насъ ввергли.

Весьма немногiе человѣки, Любезные Братья, имѣютъ истинное и прямое понятiе о великости искупленiя человѣческаго. Многiе вѣрятъ только, что Христосъ Господь пролитою имъ кровiю искупилъ насъ отъ осужденiя, или вѣчнаго отлученiя отъ Бога; но не вѣрятъ, что онъ хочетъ еще и здѣсь освободить Своихъ отъ всякiя бѣдности.

Христосъ есть Избавитель мiра, Истребитель человѣческой бѣдности, искупившiй насъ отъ смерти и грѣ-

ха. Но какъ бы Онъ былъ таковымъ, естьли бы міръ долженствовалъ всегда томиться во тьмѣ неразумія и въ оковахъ страстей? Весьма ясно предсказано о семъ еще у Пророка, что придетъ время искушенія народа Его, оная первая суббота временъ. Давно могли бы мы узнать сіе утѣшительное обѣтованіе: но недостатокъ въ истинномъ познаніи Бога, человѣка и Натуры причиною, что сіи великія истины вѣры еще отъ насъ сокрыты.

Надобно знать, Братья мои, что Натура двояка: чистая, духовная, безсмертная, неразрушимая, и нечистая, матеріальная, смертная, разрушимая.

Чистая неразрушимая Натура была прежде нечистой разрушимой. Сія послѣдняя получила свое бытіе отъ разстройства и неравновѣсія сущностей, составляющихъ неразрушимую Натуру: слѣдовательно до тѣхъ только поръ она и продолжаться можетъ, пока разстройство и неравновѣсіе не уничтожатся, и

пока все не приведется паки въ гармонію.

Неправильное понятіе о духѣ и матеріи есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по чему многія истины Вѣры представляются намъ не въ истинномъ ихъ свѣтѣ.

Духъ есть существо, совершенная подлинность; и потому свойства его суть неразрушимость, равнообразіе, проницательность, недѣлимость, продолжительность.

Матерія не есть существо, а составъ; и потому разрушима, дѣлима и перемѣнѣ подвержена.

Метафизическій міръ есть дѣйствительно существующій, чистый, неразрушимый міръ, коего центръ называемъ мы Христомъ, а жителей знаемъ мы подъ именемъ Духовъ и Ангеловъ.

Матеріальный, физическій міръ есть міръ явленій, или міръ *кажущійся*. Онъ не имѣетъ совершенной истины; а все называемое здѣсь истиною есть только относительно

истина, тѣнь истины, а не самая истина; все въ немъ есть только явленіе, феноменъ.

Разумъ нашъ заимствуетъ здѣсь всѣ свои понятія отъ чувственности, и потому они безжизненны, мертвы. — Все получаемъ мы отъ наружной видимости предметовъ, и разумъ нашъ походитъ на обезьяну, которая перенимаетъ только то, что Натура ей представляетъ. И такъ одинъ чувственный свѣтъ есть здѣсь началомъ нашего разума: побужденіемъ же воли нашей есть чувственность, склонность къ скотскимъ потребностямъ и къ удовольствованію ихъ. Хотя же мы и ощущаемъ нужду въ вышнемъ побужденіи: но до сихъ поръ не умѣли мы ни искать, ни найти онаго.

Здѣсь, гдѣ все тлѣнно, не возможно найти ни начала разума, ни начала нравственности, ни побудительной силы воли: надлежитъ получить намъ оное изъ вышняго міра.

Тамъ, гдѣ все чисто, гдѣ ничто не подвержено разрушенію, царствуетъ Существо, которое есть все Премудрость и Любовь, и которое чрезъ свѣтъ своея Премудрости можетъ содѣлаться для насъ истиннымъ началомъ разума, а чрезъ теплоту любви своей истиннымъ началомъ нравственности. И міръ не будетъ и не можетъ быть счастливымъ дошолѣ, доколѣ сіе истинное Существо, которое есть вкупѣ Премудрость и Любовь, не будетъ совершенно принято человѣчествомъ, и не учинится въ ономъ *все во всемъ*.

Человѣкъ любезные Братья, сложенъ изъ неразрушимаго метафизическаго и разрушимаго матеріальнаго существа; но такъ, что здѣсь разрушимая матерія вѣчную неразрушимую сущность содержитъ въ себѣ какъ бы въ оковахъ.

И такъ въ человѣкѣ находятся двѣ сопротивныя натуры. Разрушимая сущность всегда привязываетъ насъ къ чувственному: а неразрушимая старается освободиться

отъ чувственныхъ цѣпей, и ищетъ возвышенія Духа. Отъ сего происходитъ безпрестанная брань между добромъ и зломъ. Добро всегда хочетъ непремѣнно разума и нравственности, а зло ежедневно ведетъ насъ къ заблужденію и страсти.

Такимъ образомъ человѣкъ находится въ безпрестанной борьбѣ между добромъ и зломъ, между истинною и ложью; побѣждаетъ и побѣждается, возходитъ на высоту и падаетъ въ пропасти, старается опять подняться и снова претыкается.

Главной причины порчи человѣческой искать надлежитъ въ тлѣнной матеріи, изъ которой образуются человѣки. Сіе матеріальное, грубое вещество подавляетъ въ насъ дѣйствіе сверьхчувственнаго духовнаго начала, и потому есть истинная причина слѣпоты нашего ума и блужденій нашего сердца. (*)

(*) Читатель, кажется намъ, можетъ здѣсь примѣтить разность сего мнѣ-

Причина ломкости глинянаго сосуда надлежитъ искать въ веществѣ, изъ котораго онъ составленъ. Сосудъ изъ глины, самой прекраснѣйшей формы и самой лучшей отдѣлки, всё остается хрупкимъ; потому что вещество, изъ котораго онъ сдѣланъ, таково.

Такъ и мы, немощные человѣки, при всемъ возможномъ внѣшнемъ образованіи нашемъ, остаемся всё еще бренными человѣками.

Изъискивая причины препонъ, содержащихъ человѣческую натуру въ толь глубокомъ уничиженіи, мы найдемъ всѣ оныя въ грубости матеріи, въ которой духовная ея часть какъ бы погрязла и заклепана.

Негибкость сосудовъ тѣла и неповоротливость соковъ, нѣжнымъ возбужденіямъ духа повиноваться

нія Авторскаго отъ другаго, представленнаго имъ въ его *Ночахъ*, на которое мы тогда еще сдѣлали свое замѣчаніе.

долженствующихъ, суть какъ бы цѣпи, духъ связующія, и препятствующія благороднымъ его въ насъ дѣйствіямъ, къ какимъ былъ бы онъ способенъ.

Нервные и мозговые соки даютъ намъ только грубыя, не ясныя, изъ явленій только, а не изъ самой истины и не изъ самой вещи происходящія, понятія; и когда мы сильному потрясенію внѣшнихъ чувственныхъ ощущеній не можемъ противопоставить для равновѣсія довольно сильныхъ представленій внутренней нашей мыслительной способности, то всегда увлекаемся страстію; и тихій гласъ разума заглушается громкимъ шумомъ стихій, поддерживающихъ нашу машину. Разумъ хотя и старается одержать верьхъ надъ ними, кончить сраженіе и прогнать замѣшательство свѣтомъ силы разсужденія: но дѣйствіе его походитъ на просіяваніе солнца, густыми облаками непрестанно затмѣваемаго.

Грубость вещества, изъ коего матеріальный человѣкъ состоитъ, и весь составъ его естества причиною сей дебелости, которая содержитъ способность души нашей во всегдашней слабости и безсиліи.

Лѣность мыслящей нашей силы вообще есть слѣдствіе зависимости ея отъ грубой неповоротливой матеріи, которая есть истинныя узы духа и истинный источникъ всѣхъ заблужденій и самыхъ пороковъ.

Разумъ, долженствующій быть непремѣннымъ законодавцемъ, есть всегдашній рабъ чувственности; она дѣлается его властительницею, и употребляетъ его даже къ удовлетворенію своимъ склонностямъ.

Истину сію давно знали, и всегда на словахъ проповѣдовали, что разумъ долженъ быть законодателемъ и господствовать надъ волею, а не воля надъ нимъ.

Истину сію чувствовали и великіе люди и малые: но когда дѣло доходило до исполненія, то скот-

ская воля низвергала разумъ; изрѣдка разумъ покорялъ ее, но на короткое время. Такимъ образомъ въ каждомъ человѣкѣ тьма и свѣтъ попеременно побѣждали другъ друга и побѣждаемы были другъ отъ друга; и сія-то перемѣнная сила и безсиліе причиною безпрестанной перемѣны добра со зломъ, лжи съ истиною.

Для приведенія человѣческаго рода къ истинѣ и добру, дабы онъ поступалъ по законамъ только разума, и дѣйствовалъ по чистымъ побужденіямъ воли, необходимо нужно отдать господство чистому разуму. Но какъ быть сему, когда матерія, изъ которой всѣ матеріальные человѣки состоятъ, болѣе или менѣе, разнообразна, груба, дѣлима, тлѣнна; — когда она такова, что все наше бѣдствіе, скорбь, болѣзнь, бѣдность, смерть, нужды, предразсудки, заблужденія и пороки отъ нея зависятъ, и суть неизбѣжныя слѣдствія заключенности безсмертнаго

нашего духа въ узахъ грубой и тлѣнной матеріи? Не должна ли чувственность господствовать, когда разумъ въ оковахъ? И не въ оковахъ ли онъ, когда нечистое слабое сердце вездѣ отвергаетъ чистыя его озаренія?

Такъ, друзья и братья! въ семъ-то состоитъ всеобщее несчастіе человѣковъ; и какъ порча сія разпространяется отъ человѣка къ человѣку: то по справедливости можетъ она назваться наслѣдственною заразою человѣковъ.

Вообще мы примѣчаемъ, что силы разума дѣйствуютъ на сердце только по частному свойству того вещества, изъ котораго человѣкъ сложенъ. Также весьма достойно замѣчанія, что солнце оживляетъ сіе животное вещество, и дѣлаетъ его способнымъ къ отправленію животной экономіи и къ вышшей или низшей степени духовнаго вліянія по мѣрѣ отстоянія своего отъ земли.

Разность народовъ, свойства ихъ по мѣстному положенію, или климату ихъ страны, различность характеровъ и страстей, нравы ихъ, предразсудки, обычаи, даже самыя добродѣтели и пороки, зависятъ точно отъ частнаго, мѣстнаго свойства того вещества, изъ котораго они образованы, и въ которомъ заключенный духъ различно дѣйствуетъ. По сему свойству опредѣляется и самое ихъ просвѣщеніе, и самое ученіе, которымъ исправляется каждый народъ столько, сколько удобно къ тому вещество, въ которомъ собственно состоитъ способность къ просвѣщенію, зависящая частію отъ самаго свойства того народа, частію отъ климата.

Вообще вездѣ мы находимъ того же слабаго чувственнаго человѣка, который подъ каждою полосою неба имѣетъ лишь столько добра, сколько чувственное его вещество даетъ разуму его господства надъ чувственностію; и столько зла, сколько

чувственность одолѣваетъ духа, болѣе или менѣе связаннаго. Въ семъ состоитъ естественное добро и зло какъ каждаго народа, такъ и каждаго человѣка.

Сію порчу, природную той матеріи, изъ коей образованы человѣки, находимъ мы во всемъ мірѣ; вездѣ бѣдность, скорбь, болѣзнь, смерть; вездѣ нужды, предразсудки, страсти, пороки, въ другихъ только видахъ и образахъ.

Изъ самаго грубѣйшаго состоянія дикой натуры человѣкъ вступаетъ въ общежитіе по нуждѣ. Сила и лукавство, главныя свойства звѣря, не оставляютъ его и разкрываются въ немъ только въ иныхъ видахъ.

Измѣненія сихъ скотскихъ главныхъ свойствъ безчисленны, и самая высочайшая степень человѣческаго просвѣщенія, до какой нынѣ міръ достигъ, не сдѣлала ничего болѣе, какъ только научила на сіи главныя склонности скоточеловѣка

налагать краски нѣжнѣе. То есть, изъ состоянія скота глупаго мы перешли въ вышнюю степень скота хитраго.

Но и сей періодъ былъ нуженъ, ибо за исполненіемъ онаго начинается новый: то есть за разкрытіемъ всѣхъ скотскихъ потребностей слѣдуетъ развитіе вышней потребности свѣта и разума.

Что причины бѣдствія смертныхъ бренныхъ человѣковъ, преданныхъ неразумію и страстямъ, искать должно въ матеріи, изъ которой они сложены: то Христосъ прекрасно изъяснилъ намъ сею великою истиною, сказавъ: что "и лучшій, „устремленный къ истинѣ человѣкъ „падаетъ еще седмижды на день.„ Чрезъ сіе хотѣлъ Онъ сказать, что въ самыхъ наилучше образованныхъ людяхъ седмь силъ духа такъ еще заперты, что всѣ седмь дѣйствій чувственности каждый день его побѣждаютъ, каждая своимъ образомъ.

И такъ самый лучшій человѣкъ подверженъ заблужденіямъ и страстямъ; самый лучшій исполненъ слабостей, исполненъ грѣховъ; самый лучшій несвободенъ отъ скорби и бѣдности; самый лучшій подверженъ болѣзни и смерти. — И для чегожъ? Для того, что все сіе есть необходимое слѣдствіе свойствъ тлѣнной матеріи, изъ которой онъ составленъ.

Слѣдовательно нѣтъ человѣчеству надежды достигнуть вышняго счастія, пока сіе тлѣнное и матеріальное существо составляетъ главную часть бытія его? Горестная мысль, что человѣчество само собою не можетъ вознестись къ истинному своему совершенству! Отчаянная мысль, но притомъ утѣшительная! Ибо въ ней открывается причина, для чего вышнее совершеннѣйшее Существо долженствовало облещись въ сію смертную тлѣнную плоть, дабы смертное содѣлать безсмертнымъ и тлѣнное нетлѣннымъ, въ

чемъ и состоитъ истинная причина вочеловѣченія Іисусъ-Христова.

Христосъ, или Помазанникъ Божій, есть сіяніе Божества; Премудрость, изшедшая изъ Бога, сынъ Божій, существенное Слово, которымъ все сотворено и которое въ началѣ было. — Христосъ, Премудрость Божія, Художница всѣхъ дѣлъ, былъ какъ бы центръ райскаго міра свѣта: дѣйствительный же органъ, чрезъ который одинъ Божеская сила могла сообщаться, есть безсмертная чистая Натура, — неразрушимая, все оживляющая и къ высочайшему совершенству и счастію приводящая сущность, чистая стихія, въ коей жилъ духовный человѣкъ.

Отъ сей чистой стихіи, въ коей обиталъ единъ Богъ, и изъ сущности коей сотворенъ былъ первый человѣкъ, онъ чрезъ паденіе отдѣлился: а чрезъ вкушеніе отъ плода древа смѣшенія добраго или нетлѣннаго начала съ злымъ или тлѣннымъ,

онъ какъ бы отравилъ себя до того, что безсмертное его существо скрылося внутрь, а смертное вышло наружу. Такимъ образомъ изчезло безсмертіе, блаженство и жизнь; и слѣдствіемъ сей перемѣны сдѣлалась смертность, бѣдность и смерть.

Многіе люди не могутъ составить себѣ понятія о древѣ добра и зла. Сіе древо было произведеніе оставшейся еще въ центрѣ Хаотической матеріи, въ которой тлѣніе одерживало верьхъ надъ нетлѣніемъ. — Преждевременное вкушеніе отъ сего заразительнаго, смертоноснаго плода привело Адама въ матеріальную, смертную форму. Онъ подвергся власти стихій, бывъ прежде властителемъ ихъ.

Сей несчастный случай причиною, что безсмертная Премудрость, чистая метафизическая стихія, облеклась въ смертную покрышку и добровольно принесла себя въ жертву, дабы внутренними своими силами

*

войти въ средоточіе тлѣнія, и мало по малу все смертное возвести паки къ безсмертію. И какъ человѣкъ, нѣкогда безсмертный, вкусивъ смертнаго плода, натурально учинился смертнымъ: такъ человѣкъ смертный, чрезъ вкушеніе безсмертнаго плода, натурально же можетъ получить прежнее свое достоинство.

Въ Царствѣ Божіемъ все происходитъ естественно и просто: но чтобъ познать сію простоту, надлежитъ имѣть чистыя понятія о Богѣ, Натурѣ и человѣкѣ; и ежели вышнія истины Вѣры покрыты еще для насъ непроницаемымъ мракомъ: то сіе отъ того только, что мы до сихъ поръ понятія о Богѣ всегда отдѣляли отъ понятій о Натурѣ и человѣкѣ.

Христосъ, бывъ еще на землѣ, говорилъ уже съ искреннѣйшими своими друзьями о великомъ таинствѣ возрожденія: но все говоренное Имъ было для нихъ темно, и они не могли того понимать. Разкрытіе сей

великой истины предоставлено послѣдней годинѣ; ибо она есть послѣдняя и высочайшая тайна религіи, въ которой всѣ мистеріи сливаются какъ бы въ единицу.

Возрожденіе есть ничто иное, какъ разрѣшеніе и разпущеніе сей нечистой и тлѣнной матеріи, содержащей во узахъ безсмертное наше существо и погружающей въ смертный сонъ жизнь стѣсненныхъ дѣятельныхъ нашихъ силъ. Ради чего необходимо надобно быть такому дѣйствительному средству, которое бы сію закваску, производящую въ насъ смерть и бѣдность, могло уничтожить, и утѣсненныя силы вывесть на свободу.

Сего средства нигдѣ найти не можно, какъ только въ Религіи. Поелику же Религія, разсматриваемая яко Наука, есть ученіе о возсоединеніи съ Богомъ: то она необходимо должна научать насъ средству, какъ достигать сего возсоединенія. Не Іисусъ ли и животворящее его

познаніе есть главный предметъ Библіи и сокращеніе всѣхъ желаній, надеждъ и чаяній Христіанина? Не получили ли мы отъ нашего Господа и Учителя, во время пребыванія его съ Учениками, высочайшихъ истолкованій на сокровеннѣйшія истины? По воскресеніижъ своемъ, бывъ съ ними въ прославленномъ уже тѣлѣ, не далъ ли имъ Господь нашъ и Учитель еще вышшаго откровенія о Себѣ, и не ввелъ ли ихъ еще глубже во внутреннее познаніе истины?

Не исполнилъ ли Онъ обѣщаннаго имъ въ первосвященнической своей молитвѣ: *Іоан.* XVII. 22. 23. „И азъ „славу, юже далъ еси мнѣ, дахъ „имъ, да будутъ едино, якоже мы „едино есмы: азъ въ нихъ, и ты „во мнѣ, да будутъ совершени во „едино?„ —

Поелику же Ученики Господни не могли понять сей великой тайны новаго и послѣдняго Завѣта: то Христосъ предоставилъ оную буду-

щему, нынѣ приближающемуся, послѣднему времени, сказавъ: „въ той „день (въ который, то есть, со„общу я вамъ славу мою,) позна„ете вы, что я во Отцѣ и вы во „мнѣ, а я въ васъ есмь.„ Сей Завѣтъ называется *Завѣтомъ* (союзомъ) *мира:* тогда законъ Божій дастся самому внутреннѣйшему сердца нашего; мы всѣ познаемъ Господа, учинимся Его народомъ, а Онъ нашимъ Богомъ.

Къ сему существенному стяжанію Бога, къ сему дѣйствительному, и еще здѣсь возможному соединенію съ Нимъ, все уже приготовлено; и святая стихія, истинное врачество человѣчества, открыта Духомъ Божіимъ. Трапеза Господня уготована, и всѣ къ оной приглашаются; истинный хлѣбъ Ангельскій готовъ, хлѣбъ, о коемъ сказано: даси хлѣбъ имъ съ небеси.

Святость и великость таинства, всѣ тайны въ себѣ заключающаго, велитъ намъ здѣсь умолкнуть, и

намъ позволено только упомянуть о дѣйствіяхъ его.

Тлѣнное и разрушимое въ насъ пожрется и облечется въ нетлѣнное и неразрушимое; внутреннее чувствилище разкроется и свяжетъ насъ съ духовнымъ міромъ; мы будемъ просвѣщаться Премудростію, руководствоваться истиною, питаться пламенемъ любви; въ насъ разкроются недовѣдомыя силы къ побѣжденію міра, плоти и сатаны. Все существо наше обновится и сдѣлается способнымъ быть дѣйствительною обителью Духа Божія: что доставитъ намъ господство надъ естествомъ, обхожденіе съ вышними мірами, и видимое наслажденіе и сожитіе съ Господомъ.

Повязка невѣжества спадетъ съ очей нашихъ, оковы чувственности разпадутся, и мы внидемъ въ свободу сыновъ Божіихъ.

Мы сказали вамъ самое главнѣйшее и важнѣйшее. Ежели жаждущее истины сердце ваше почерпнуло

обо всемъ семъ чистыя понятія, и совершенно поняло великость и святость вещи, какъ-то предметъ требуетъ: то мы и болѣе вамъ скажемъ. Между тѣмъ слава Господня и обновленіе всего существа вашего да будетъ высочайшимъ вашимъ чаяніемъ! —

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Въ послѣднемъ письмѣ нашемъ, Любезные Братья, мы обратили вниманіе ваше на высочайшее изъ всѣхъ таинствъ, существенное стяжаніе Бога: теперь нужно сообщить вамъ полный свѣтъ о семъ предметѣ.

Человѣкъ, Возлюбленные Братья, здѣсь несчастенъ по тому, что состоитъ изъ тлѣннаго, всѣмъ бѣдствіямъ подверженнаго вещества.

Бренная оболочка, которую онъ на себѣ носитъ, подвергаетъ его свирѣпству стихій; печаль, бѣдность, страданія, болѣзни суть его жребій.

Человѣкъ несчастенъ отъ того, что безсмертный духъ его томится въ оковахъ чувственности; Боже-

ственный свѣтъ въ немъ запертъ; онъ бродитъ при лампадномъ мерцаніи чувственнаго разума по путямъ его странничества; и мучимый страстями, совращаемый предразсудками, ослѣпляемый заблужденіями, низвергается изъ пропасти въ пропасть бѣдности и несчастія.

Человѣкъ несчастенъ по тому, что онъ и тѣломъ и душею болѣнъ, и не имѣетъ истиннаго врачества ни для тѣла, ни для души.

Тѣ, кои долженствовали вести другихъ къ счастію и управлять ими, таковы же, какъ и прочіе: также немощны, такимъ же страстямъ подвержены и такимиже предразсудками обладаемы.

Какая же судьба ожидаетъ человѣковъ? Ужъ ли большая часть всегда будетъ несчастна? Ужъ ли нѣтъ спасенія для цѣлаго человѣчества?

Братья! Ежели человѣчество когда либо способно достигнуть блаженнаго состоянія: то сіе блажен-

ство возможно только подъ сими условіями —

Во первыхъ: бѣдность, скорбь, болѣзнь, печаль должны быть между человѣками рѣже.

Во вторыхъ: страсти, предразсудки и заблужденія меньше.

Но возможно ли сіе въ натурѣ человѣческой, вообще растлѣнной, когда опытъ изъ вѣка въ вѣкъ безпрестанно доказывалъ, что одно бѣдствіе смѣнялось всегда другимъ; страсти, предразсудки и заблужденія всегда производили тотъже вредъ, перемѣняя только виды свои, и люди въ каждомъ вѣкѣ были тѣже бренные человѣки?

Ужасный приговоръ изреченъ надъ родомъ человѣческимъ — приговоръ: что человѣки до тѣхъ поръ не будутъ счастливы, пока не сдѣлаются мудры; и не будутъ мудры, пока чувственность будетъ господствовать надъ разумомъ, а духъ томишься въ оковахъ плоти и крови.

Гдѣ человѣкъ безъ страстей? — Пусть намъ его покажутъ! Не всѣ ли мы, болѣе или менѣе, носимъ на себѣ цѣпи чувственности? Не всѣ ли невольники?— Не всѣ ли грѣшники?

Такъ, Братья! признаемся, что мы всѣ рабы грѣха.

Сіе ощущеніе бѣдности нашей разкрываетъ въ насъ нужду въ искупленіи. Мы возводимъ взоры наши въ горняя, и гласъ Ангела гласитъ къ намъ свыше: „ Бѣдность человѣче„ская прекратится! „

Человѣки больны и тѣломъ и душею. Сей всеобщей болѣзни должна слѣдовательно быть причина: а сія причина находится въ тлѣнной матеріи, изъ которой человѣкъ состоитъ.

Тлѣнное утѣсняетъ нетлѣнное, свѣтъ Премудрости связанъ во глубинахъ мрака, квасъ грѣха живетъ въ насъ: а въ сей закваскѣ кроется порча человѣчества и разпространеніе ея, со всѣми послѣдствіями наслѣдственнаго грѣха.

Изцѣленіе человѣчества возможно токмо посредствомъ разрушенія сей грѣховной въ насъ закваски, и потому надобны намъ врачь и лекарство.

Но больной не можетъ лечить больнаго, тлѣнное не можетъ совершенствовать тлѣннаго, ни мертвое оживить мертваго, ни слѣпой водить слѣпаго.

Совершенное только можетъ привесть несовершенное къ совершенству, нетлѣнное только можетъ тлѣнное сдѣлать нетлѣннымъ, и живое оживотворить мертвое.

И такъ врача и средства къ изцѣленію надобно искать не въ тлѣнной Натурѣ, гдѣ все смерть и разрушеніе: но въ вышней, гдѣ все совершенство и жизнь.

Недостатокъ познанія о связи Божества съ Натурою и человѣкомъ есть истинная причина всѣхъ предразсудковъ и заблужденій.

Богословы, Философы и Моралисты хотѣли управлять міромъ, и

наполнили его вѣчными противорѣчіями.

Богословы не познали связи Бога съ Натурою, и отъ того впали въ заблужденія.

Философы познали только матерію, а не связь чистой Натуры съ Божественною, и отъ того породили самыя ложныя мнѣнія.

Моралисты не познали главной порчи человѣческаго естества, и хотѣли лечить словами тамъ, гдѣ нужно было дѣйствительное лекарство.

Такъ міръ, человѣкъ и Богъ подвержены стали вѣчнымъ противорѣчіямъ; мнѣнія возставали противъ мнѣній, суевѣріе смѣнялось невѣріемъ и невѣріе суевѣріемъ, и удалили міръ отъ истины вмѣсто того чтобы приближить его къ ней.

Токмо въ училищахъ Премудрости учили познавать Бога, Натуру и человѣка; и цѣлыя тысящелѣтія подвизались въ тишинѣ о снисканіи высочайшей степени познанія связи человѣка съ чистою Натурою и Богомъ.

Сія великая цѣль Бога и Натуры, къ которой все стремится, во всѣхъ религіяхъ представлялась человѣку въ чувственныхъ образахъ; и всѣ монументы и священные Іероглифы были токмо буквы, въ которыхъ человѣкъ могъ обрѣсть самое высочайшее изъ всѣхъ Божественныхъ, естественныхъ и человѣческихъ таинствъ, а именно: средство изцѣленія отъ нынѣшняго бѣдственнаго его состоянія, средство соединенія существа его съ чистою Натурою и Богомъ.

Подъ руководствомъ Божіимъ мы достигли сей эпохи. Божество, помянувъ завѣтъ свой съ человѣкомъ, даровало намъ цѣлебное средство для больнаго человѣчества, и показало пути къ возведенію его паки на степень чистой Натуры и къ соединенію съ Богомъ, яко источникомъ его блаженства.

Знаніе сего цѣлебнаго средства есть Наука Святыхъ и Избранныхъ,

и обладаніе онымъ есть обѣщанное наслѣдіе чадъ Божіихъ.

Будьте столько благосклонны, возлюбленные Братья! подариte насъ всѣмъ вашимъ вниманіемъ.

Въ крови нашей находится клейкая матерія, которая сродствомъ ближе къ звѣрю, нежели къ духу; сія клейкость есть вещество грѣха. Она разнится по разнымъ чувственнымъ возбужденіямъ, и по роду образованія ея различествуютъ въ человѣкѣ злыя склонности ко грѣху.

Въ вышнемъ степени разпростертія ея она производитъ гордость, высокомѣріе: а въ вышнемъ степени сжатія скупость, самолюбіе, эгоизмъ.

Въ отражательномъ состояніи — ярость, гнѣвъ; въ круговращательномъ — легкомысленность, похотливость.

Въ разширительномъ — обжорство, пьянство:

Въ стягивательномъ — зависть.

Въ эссенціальности своей она есть лѣность.

Сей грѣховный квасъ находится въ каждомъ человѣкѣ, въ одномъ болѣе, въ другомъ менѣе; разпложается отъ отцовъ въ дѣтяхъ, и сія разпложаемая зараза препятствуетъ всегда благовременному дѣйствію духа на матерію.

Сей матеріи грѣха человѣкъ хотя и можетъ волею своею полагать предѣлы и обладать надъ нею, уменьшая въ себѣ ея дѣйствія: но совершенно уничтожить ее не въ нашей власти, и отъ сего въ насъ безпрестанная брань между добромъ и зломъ.

Сія грѣховная, находящаяся въ насъ, матерія составляетъ узы плоти и крови, связующія въ насъ безсмертный нашъ духъ и приковывающія насъ къ скотскимъ побужденіямъ. Сія грѣховная матерія въ насъ есть трутъ, въ которомъ скотскія страсти возжигаются и возгараются.

Сильное воздѣйствіе въ насъ сей грѣховной матеріи на чувственное побужденіе причиною, что мы, по недостатку правильнаго и спокойнаго сужденія, всегда избираемъ зло вмѣсто добра; ибо броженіе сей порождающей страсть матеріи препятствуетъ спокойному дѣйствію духа, которое необходимо нужно къ разсужденію.

Сіеже вещество грѣха причиною и невѣжества нашего; ибо оно, отягчая густотою и жесткостію своею нѣжныя мозговыя жилы, препятствуетъ скорому дѣйствію разума, нужному для проницанія предметовъ ума.

И такъ ложь и зло суть качества сей грѣховной матеріи въ насъ, такъ какъ истина и добро суть свойства духовнаго начала; ибо въ насъ все неограниченно господствовать можетъ.

Изъ познанія сей дѣйствительной матеріи грѣха усматриваемъ мы, что мы морально больные и

имѣемъ нужду во Врачѣ, который бы далъ намъ цѣлебное средство къ уничтоженію сей ложь и злость производящей въ насъ матеріи, къ увраченію насъ и содѣланію морально здоровыми.

Научаемся также видѣть, что все наше нравоученіе на словахъ мало полезно, а нужно подлинное лекарство.

Нѣсколько уже вѣковъ проповѣдуютъ о добродѣтели, а міръ остается всё тотъ же. Больной не выздоровѣетъ, ежели Докторъ при одрѣ его будетъ только говорить мораль: ему нужно предписать лекарство, а прежде еще надобно узнать истинное состояніе больнаго.

Болѣзненное состояніе человѣчества.

Болѣзнь человѣческая состоитъ въ отправленіи. Человѣкъ вкусилъ отъ плода такого древа, въ кото-

ромъ тлѣнное матеріальное Начало имѣло перевѣсъ, и отравилъ себя симъ вкушеніемъ.

Первое дѣйствіе сего всеобщаго яда состояло въ томъ, что нетлѣнное Начало, коего разпространеніе по всему существу составляло совершенство Адамово, стянулось внутрь, и предало наружность владычеству стихій. Тогда смертная матерія тотчасъ облекла безсмертную сущность; и лишеніе свѣта, невѣжество, страсть, скорбь, бѣдность и смерть были естественными слѣдствіями того.

Сообщеніе съ міромъ свѣта пресѣклось; внутреннее око, имѣвшее вездѣ предметомъ своимъ истину, закрылось; и матеріальное око открылось къ непостоянному зрѣлищу явленій.

Человѣкъ потерялъ все свое блаженство, и безъ спасительнаго средства на вѣкъ бы погибъ въ семъ бѣдственномъ состояніи: но безконечная любовь и милосердіе Божіе,

которыя не имѣли иной цѣли при твореніи, кромѣ высочайшаго блаженства сотворенныхъ существъ, тотчасъ по паденіи человѣка открыли ему средство спасенія, коего могъ онъ ожидать съ своимъ потомствомъ, дабы въ продолжительномъ изгнаніи своемъ укрѣпляясь чаяніемъ и надеждою, могъ онъ переносить несчастіе свое въ смиренной преданности и терпѣніи, и обрѣтать въ странничествѣ своемъ ту великую отраду, что все имъ испорченное будетъ опять исправлено любовію Спасителя.

Безъ сего Откровенія участью человѣка было бы отчаяніе.

Человѣкъ до паденія былъ живый Храмъ Божества; и въ тужъ минуту, какъ сей Храмъ изпровергнутъ, начертанъ уже былъ Премудростію Божіею планъ къ возстановленію его. Съ сей точки времени начинаются таинства всѣхъ Религій и всѣхъ священныхъ Мистерій, которыя суть токмо тыса-

щекратно, по времени, обстоятельствамъ и понятію народовъ, повторенныя и преобразованныя изображенія единой истины, которая есть возрожденіе — возсоединеніе человѣка съ Богомъ.

Человѣкъ до паденія былъ мудръ и соединенъ съ Премудростію, по паденіи же съ нею разлучился: и потому нужно стало ему Откровеніе, Наука, какъ возвратить сіе соединеніе съ Премудростію. Сіе первое откровеніе было слѣдующее.

Безсмертіе состоитъ въ томъ, чтобы безсмертное проницало смертное.

Безсмертное есть Божественная сущность, слава Божія въ Натурѣ, подкладка Духовнаго міра, безпредѣльность Божія, въ которой все существуетъ, живетъ и движется.

Никакая тварь не можетъ иначе быть счастливою, какъ только въ источникѣ всего блаженства; — сей законъ есть непремѣненъ. — Сей же источникъ есть сама слава Божія.

Вкушеніемъ тлѣнной пищи человѣкъ сдѣлался самъ тлѣннымъ и матеріальнымъ. Между имъ и Богомъ простерлась какъ бы матерія. Онъ не проницается уже непосредственно, и потому подверженъ законамъ матеріи.

Божественное въ немъ, заключенное въ узахъ матеріи, есть безсмертное; оно должно освободишься, разкрыться и возобладать надъ смертнымъ: тогда человѣкъ возстанетъ паки въ прежнемъ своемъ достоинствѣ.

Но ему нужно средство къ изцѣленію и обращенію; а сего средства падшій человѣкъ самъ собою не можетъ ни познать, не только достать себѣ. Познать не можетъ по тому, что потерялъ чистое познаваніе, свѣтъ Премудрости: а достать не можетъ по тому, что сіе средство заключено въ самомъ внутреннѣйшемъ Натуры; а онъ не имѣетъ ни власти, ни силы отверзть себѣ оное.

И такъ нужно ему откровеніе, дабы познать; и сила, дабы пріобрѣсть сіе средство.

Сія необходимость цѣленія побудила Премудрость, или Сына Божія, открыться человѣку чистою субстанціею, изъ которой все сотворено; и сей токмо чистой субстанціи предоставлено все мертвое оживить и все нечистое очистить.

А дабы сіе могло воспослѣдовать, и дабы внутреннѣйшее Божественное въ человѣкѣ, въ смертной покрышкѣ заключенное, паки разкрылось, и весь міръ могъ возродиться, нужно было сей Божественной субстанціи вочеловѣчиться, и свою божественную возраждательную силу перенесть въ человѣчество. Также нужно было сему Божеско — человѣческому образу быть умерщвлену и закланну, дабы содержащаяся въ крови его Божественно — нетлѣнная сущность проникла во внутреннѣйшее земли, и произвела постепенное разрѣшеніе тлѣнной ма-

теріи: — дабы человѣкъ въ свое время паки обрѣлъ чистую возрожденную землю, и насадилъ въ оную древо жизни; — дабы вкушеніемъ отъ плода его, содержащаго въ себѣ безсмертное начало, смертное въ насъ уничтожилось, и человѣкъ какъ вкушеніемъ отъ плода тлѣннаго начала заразился, такъ вкушеніемъ же отъ плода древа жизни исцѣлился бы.

Сіе было первое и важнѣйшее Откровеніе, на коемъ основываются всѣ прочія, и которое, переходя изъ устъ въ уста между Избранными Божіими, сохранилось и до нашихъ временъ.

Человѣческая Натура имѣла нужду во Спасителѣ. Сей Спаситель былъ Христосъ Іисусъ — сама Премудрость Божія — дѣйствующее внѣ Бога. Онъ принялъ на себя человѣческую покрышку, дабы паки сообщить міру Божественную безсмертную субстанцію, которая была Онъ Самъ; произвольно принесъ себя

въ жертву, дабы чистыми, въ крови его заключавшимися, силами проникнуть во внутреннѣйшее Натуры и все привесть въ совершенство.

Онъ, яко Первосвященникъ и купно жертва, вошелъ во внутреннѣйшее, и, по свершеніи всего нужнаго, положилъ основаніе къ Царесвященству Избранныхъ Своихъ, и научилъ ихъ, яко Первенцевъ Духа, познаніемъ Его ипостаси и силъ вести прочихъ человѣковъ, братьевъ единокровныхъ, ко всеобщему блаженству.

Здѣсь-то начинаются Жреческія, или Священническія тайны Избранныхъ и Внутренней Церкви. Истинная Царесвященническая Наука, есть наука возрожденія, или возсоединенія падшаго человѣка съ Богомъ.

Она называется Царственною Наукою, потому что ведетъ человѣка ко власти и обладанію надъ всею Натурою; и Священническою, потому что все освящаетъ, все со-

вершенствуетъ и вездѣ распространяетъ благодать и благословеніе.

Сія наука ведетъ свое начало непосредственно отъ устнаго откровенія Божія. Она всегда была наукою Внутренней Церкви, Пророковъ и Святыхъ, и никогда не признавала инаго Первосвященника, какъ самаго Іисуса Христа Господа.

Сія наука имѣла троякую цѣль: *во первыхъ* возродить человѣка частно, или первенцевъ изъ Избранныхъ; *потомъ* возродить многихъ человѣковъ, и *наконецъ* все человѣчество. Практика ея состояла въ высочайшемъ усовершенствованіи самаго себя и всѣхъ предметовъ Натуры.

Сей Наукѣ училъ не иной кто, какъ самъ Духъ Божій и Пріявшіе сего Духа. Она отъ всѣхъ наружныхъ наукъ отличалась тѣмъ, что преподавала познаніе о Богѣ, Натурѣ и человѣкѣ въ совершенной связи, когда напротивъ того внѣшнія науки ни Бога, ни Натуры, ни человѣка, ни его назначенія прямо не знаютъ.

Она доставляла человѣку познаніе какъ о чистой неповрежденной, такъ и о нечистой поврежденной Натурѣ, и показывала ему средства совлекать сію послѣднюю и достигать той первой.

Она состояла въ ученіи познанія Бога въ человѣкѣ и Божественнаго характера въ Натурѣ, дабы чрезъ сей послѣдній, яко печать Божію, внутреннѣйшее наше паки разкрыться и въ соединеніе съ Божественнымъ пріити могло.

И такъ сіе возсоединеніе, или возрожденіе, было вышняя цѣль сей науки, отъ которой священство получило свое имя. Religio значитъ *возсоединеніе;* Clerus, Клиръ, *возражданющій.*

Мельхиседекъ былъ первый Царесвященникъ; отъ него происходятъ всѣ истинные Священники Бога и Натуры, и къ немужъ примыкается самъ Христосъ, яко Іерей по чину Мельхиседекову.

Сіе слово по самому буквенному смыслу имѣетъ важное и обширное знаменованіе. Слово въ слово оно значитъ *наставляющаго* въ истинной субстанціи жизни и въ обрѣзаніи заключающей оную тлѣнной оболочки.

Священникъ есть Отрѣшитель чистой Натуры отъ нечистой; Отдѣлитель всесодержащей субстанціи отъ тлѣнной, бѣдность и болѣзнь причиняющей матеріи. *Жертва*, или *отдѣленное*, состоитъ въ хлѣбѣ и винѣ.

Хлѣбъ буквенно значитъ все сохраняющую субстанцію: а *вино*, все оживляющую.

И такъ Священникъ по чину Мельхиседекову есть тотъ, который умѣетъ отдѣлять чистую все содержащую и все оживляющую матерію отъ нечистой, и употреблять оную средствомъ къ примиренію и возсоединенію падшаго человѣчества, для возвращенія ему истиннаго достоинства Царскаго — или власти

надъ Натурою — и сана Священническаго — или силы соединенія съ благословеніемъ Вышнихъ Міровъ.

Въ сихъ немногихъ словахъ содержится вся тайна Священства Божія, упражненіе Священника, и цѣль.

Но сіе Царесвященство не прежде могло получить все свое совершенство, какъ когда самъ Іисусъ Христосъ, вѣчный Первосвященникъ, совершилъ величайшую изъ всѣхъ жертвъ и вошелъ во внутреннѣйшее Святилище.

Здѣсь открываются новыя и великія тайны, достойныя всего вашего вниманія.

Когда по предвѣчнымъ судьбамъ Премудрости и Правосудія Божія опредѣлено было спасти падшій родъ человѣческій: тогда Премудрость Божія долженствовала избрать средство, которое бы во всякомъ отношеніи было наиудобнѣйшее къ достиженію сей великой цѣли.

Какъ же человѣкъ вкушеніемъ тлѣннаго, смертное вскисаніе въ себѣ содержащаго плода, отравилъ себя такъ, что все вокругъ его сдѣлалось мертво и тлѣнно: то Божеское милосердіе долженствовало противопоставить оному противное средство, которое бы также снѣдомо быть могло, но содержало бы въ себѣ все сохраняющую и все оживляющую сущность, дабы отравленный и смерти подпадшій человѣкъ вкушеніемъ сей безсмертной пищи паки изцѣлѣлъ и отъ бѣдности своей избавился. А чтобъ сіе древо жизни могло здѣсь паки насаждено быть, нужно было сперва матеріальному, тлѣнному, въ центрѣ земли лежащему началу возродиться, превратиться и приспособиться къ сущности, имѣющей нѣкогда все оживить.

Сіе приспособленіе къ новой жизни и разрѣшеніе тлѣннаго, въ самомъ центрѣ земли находящагося существа, не было инако возможно,

какъ шакимъ образомъ, чтобы Божественная субстанція жизни облеклась въ плоть и кровь, дабы сокрытыя въ ней силы жизни перенесть паки въ умерщвленную Натуру: что дѣйствительно и исполнилось смертію Христовою. Изтекшая изъ проліянной Имъ крови шинктуральная сила проникла въ самое внутреннѣйшее земли, воскресила мертвыхъ, разторгла камни, и произвела великое и полное помраченіе солнца, выгнавъ изъ средоточія земли, куда проникъ свѣтъ, всѣ части тьмы въ окружность, и положивъ основаніе къ будущему паки-просвѣтленію міра.

Со дня смерши Христовой перенесенная проліянною его кровію въ центръ земли Божественная сила непрестанно работаетъ и постепенно приготовляетъ всѣ существа къ великому предстоящему превращенію міра. Прежде же сего предстоящаго возрожденія всего міра, человѣкъ былъ главнымъ предметомъ

проліянной Христомъ крови, и доставленіе ему всевозможнаго совершенства еще въ семъ матеріальномъ мірѣ, исправленіемъ существа его, было цѣлію безцѣнныхъ страданій Іисуса Христа.

Онъ есть Спаситель міра: Онъ же Спаситель и человѣковъ. Искупленіе насъ отъ грѣха, бѣдности и смерти было предметомъ и причиною Его вочеловѣченія.

Своею плотію, въ жертву за насъ принесенною, и кровію, за насъ пролитою, Христосъ изкупилъ насъ отъ всякаго зла.

Въ ясномъ познаніи *плоти* и *крови* Іисусъ-Христовой заключается истинное и чистое познаніе прямаго возрожденія человѣческаго.

Соединиться со Христомъ въ обѣихъ его Натурахъ есть величайшее таинство Внутренней Церкви; — быть съ Нимъ единымъ духомъ, единымъ существомъ, есть верьхъ чаянія Избранныхъ.

Средства къ сему существенному стяжанію Бога отъ очей мірскихъ Мудрецовъ сокрыты, а открыты простотѣ и дѣтскому смыслу.

Гордая Философія! Повергнись во прахъ предъ великими таинствами Божества, коихъ ты не вѣдаешь, и къ испытанію которыхъ слабый чувственный твой разумъ средствъ не имѣетъ!

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Богъ содѣлался человѣкомъ, дабы преобожить человѣка: такъ Небо соединится съ землею, дабы учинить землю Небомъ.

Но чтобъ сіе преобоженіе и претвореніе земли въ Небо могло возпослѣдовать, надлежитъ перемѣниться и превратиться существу нашему.

Сія перемѣна, сіе превращеніе, называется *Возрожденіемъ*.

Родится называется вступить въ міръ, гдѣ царствуетъ чувственность, Премудрость же и Любовь томятся въ узахъ самости.

Возродится называется возвратиться въ такой міръ, гдѣ духъ Премудрости и Любви господствуетъ, а скоточеловѣкъ повинуется.

Возрожденіе есть тройственно: во первыхъ возрожденіе *Ума*; во вторыхъ возрожденіе сердца, или *Воли;* и наконецъ возрожденіе *всего существа.*

Первое и второе называется духовнымъ возрожденіемъ: а третіе тѣлеснымъ.

Многіе благочестивые, Богу угодившіе человѣки возродились въ духѣ и волѣ: но рѣдкіе знали тѣлесное возрожденіе. Оно немногимъ подавалось, и давалось для того, чтобы сіи человѣки, какъ Повѣренные Божіи, содѣйствовали къ великимъ цѣлямъ и намѣреніямъ Его, и приближили бы человѣчество къ его блаженству.

Теперь нужно показать вамъ, Любезные Братья, истинный порядокъ Возрожденія: ибо Богъ, который есть весь Сила, Премудрость и Любовь, производитъ все по порядку и гармоніи.

Кто не начнетъ духовной жизни, Любезные Братья! кто снова не ро-

дится изъ Господа, тотъ не взыдетъ на Небо.

Человѣкъ отъ родителей своихъ раждается въ наслѣдственномъ грѣхѣ, т. е. приходитъ въ естественную, а не въ духовную жизнь.

Духовная жизнь есть любить Бога паче всего, и ближняго, какъ себя самаго.

Въ сей двоякой любви состоитъ начало новой жизни.

Человѣкъ раждается во злѣ, въ самолюбіи, и въ любви къ міру.

Самолюбіе,
Своекорыстіе,
Самоугодіе

суть составительныя части зла: добро же состоитъ въ любленіи Бога и ближняго.

Не знать другой любви, кромѣ любви ко всѣмъ человѣкамъ;

Не знать другой пользы, кромѣ пользы всѣхъ человѣковъ;

Не знать другой утѣхи и другаго счастія, кромѣ счастія всѣхъ —

вотъ то, чѣмъ духъ Сыновъ Божіихъ отличается отъ духа чадъ міра.

Духа міра перемѣнить на духа Сыновъ Божіихъ есть возродиться, совлечься ветхаго человѣка и облечься въ новаго.

Но никто не можетъ возродиться, ежели не знаетъ и не исполняетъ сихъ главныхъ правилъ.

Истина есть предметомъ вѣры: добро предметомъ нашихъ дѣяній.

И такъ кто хочетъ возродиться, тотъ долженъ сперва знать, что къ возрожденію принадлежитъ.

Онъ долженъ все сіе понять, обдумать и размыслить; и что узнаетъ, по тому долженъ поступать: и слѣдствіемъ того будетъ новая жизнь.

Когда же напередъ должно знать и быть во всемъ научену, что къ возрожденію принадлежитъ: то во первыхъ нуженъ Учитель и Наставникъ; а по узнаніи сего, вѣра къ нему. Ибо какая польза въ Учителѣ,

естьли ученикъ къ нему вѣры не имѣетъ?

И такъ начало къ возрожденію есть вѣра въ Откровеніе.

Надобно начать вѣрить, что Господь, Сынъ Божій, Премудрость Божія, Превѣчный Богъ, пришелъ въ міръ спасти родъ человѣческій; что Господь имѣетъ всю власть на небеси и на земли; что всякая вѣра и любовь, что все истинное и доброе, отъ Него единственно приходитъ; и что Господь есть Ходатай, Спаситель и Вождь человѣковъ.

Когда сія высочайшая вѣра въ насъ укоренится, то мы часто станемъ помышлять о Господѣ: а сіе помышленіе о Немъ, чрезъ содѣйствующую въ томъ благодать Его, разкроетъ въ насъ 7 заключенныхъ духовныхъ силъ. — Путь къ сему разкрытію есть слѣдующій:

Путь къ блаженству.

Ежели ты хочешь достигнуть высочайшаго возможнаго для тебя блаженства: то ищи Истины, Премудрости и Любви; а Истину, Премудрость и Любовь найдешь ты только въ Единицѣ, которая есть Господь, Христосъ, ПомазанникЪ Свѣта.

Ищи Христа всѣми твоими силами, ищи его полнотою сердца.

Начало твоего возхода есть познаніе твоей ничтожности. Изъ сего познанія раждается нужда въ вышней Силѣ, а сія нужда есть начало Вѣры.

Вѣра раждаетъ Надежду. Но и вѣра имѣетъ свои степени:

Сперва Историческая вѣра,
Потомъ Нравственная,
Послѣ Божественная,
Наконецъ живая Вѣра.

Постепенный возходъ есть слѣдующій:

Историческая Вѣра начинается тогда, когда мы изъ Исторіи времени и Откровенія познаемъ, что былъ Мужъ, называвшійся Іисусъ Назорянинъ; что сей Мужъ былъ совсѣмъ особенный человѣкъ, чрезвычайно любившій человѣковъ, оказавшій имъ великія благодѣянія и ведшій жизнь самую добродѣтельную; однимъ словомъ, былъ самый добродѣтельнѣйшій и наилучшій человѣкъ, заслуживший все наше уваженіе и любовь.

Изъ сей простой исторической вѣры о бытіи Христа открывается вѣра Нравственная, то есть: что мы все, чему сей Мужъ училъ, одобряемъ; дѣйствительно видимъ и находимъ, что простое его ученіе исполнено Премудрости и Любви; что Онъ совершенно добра желалъ человѣкамъ, и претерпѣлъ смерть за истину: тогда по вѣрѣ къ лицу Его приходитъ вѣра въ слово Его; а изъ сей открывается вѣра въ Божественность Его.

Тотъ же Христосъ, который въ лицѣ своемъ такъ намъ любезенъ, а жизнію и ученіемъ своимъ такъ почтенъ для насъ, теперь уже Самъ сказываетъ намъ, что Онъ есть Сынъ Божій, и слова свои утверждаетъ сверьхъестественными чудесами: изцѣляетъ больныхъ, воскрешаетъ мертвыхъ, воскресаетъ отъ смерти, и послѣ оной еще 40 дней обращается съ своими Учениками, дабы научить ихъ вышнимъ таинствамъ Натуры и Религіи.

Здѣсь натуральная и разумная вѣра во Христа перемѣняется въ Божественную; мы начинаемъ вѣрить, что онъ былъ вочеловѣчивыйся Богъ.

Изъ сей вѣры происходитъ увѣреніе и въ томъ, чего мы еще не понимаемъ, но чему онъ училъ вѣрить.

Изъ сей вѣры въ Божество Іисусово, изъ совершенной нашей преданности Ему и вѣрнаго послѣдованія Его заповѣдямъ раждается наконецъ *живая* вѣра, въ которой мы

внутренно все то находимъ истинным по опыту, чему доселѣ вѣрили только по дѣтской довѣренности; и сія живая, опытомъ подтвержденная вѣра есть самая вышняя степень.

Когда сердце наше приметъ въ себя Христа живою вѣрою: тогда сей свѣтъ міра раждается въ сердцѣ нашемъ какъ бы въ бѣдныхъ ясляхъ.

Въ насъ все нечисто, все покрыто паутиною суетности, все замарано грязью чувственности.

Воля наша есть волъ, въ ярмо страстей запряженный.

Разумъ нашъ оселъ, упрямый въ своихъ мнѣніяхъ, предразсудкахъ и глупостяхъ.

Въ сей-то бренной, развалившейся хижинѣ, въ жилищѣ скотскихъ страстей, чрезъ вѣру раждается въ насъ Христосъ.

Простота души нашей представляетъ пастушеское состояніе; она приноситъ ему первыя жертвы, пока три главныя силы Царскаго на-

шего достоинства: Разумъ, Воля и Дѣятельность, повергнутся предъ Нимъ и принесутъ Ему дары истины, мудрости и любви.

Мало по малу ясли сердца нашего превращаются въ наружный Храмъ, въ которомъ Христосъ учитъ. Но сей Храмъ наполненъ еще Книжниками и Фарисеями, продающіе голубей и торгующіе еще находятся въ немъ: но они должны быть изгнаны и Храмъ превратиться въ домъ молитвы.

Мало по малу Христосъ избираетъ себѣ всѣ способныя въ насъ силы къ проповѣданію Его; врачуетъ нашу слѣпоту, очищаетъ нашу проказу, мертвое въ насъ возкрешаетъ, злое умерщвляетъ, распинается въ насъ, умираетъ и воскресаетъ славно Побѣдителемъ: тогда ходитъ въ насъ въ лицѣ своемъ, научая вышнимъ таинствамъ; и когда наконецъ учинитъ насъ способными къ совершенному возрожденію, то

возносится на Небо и посылаетъ намъ своего Духа истины.

Прежде нежели сей Духъ начнетъ въ насъ дѣйствовать, происходятъ слѣдующія перемѣны:

Во первыхъ возвышаются въ насъ 7 силъ *Ума*, потомъ 7 силъ сердца, или *Воли*; и сіе возвышеніе происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Человѣческой Умъ раздѣляется на 7 силъ, или способностей. Первая сила есть способность зрѣть внѣ себя предметы — *Умозрѣніе*, *Умопредставленіе*, Intuitus.

Вторая состоитъ въ способности принимать видимые предметы въ себя — *Понятіе*, Apperceptio.

Третья принятое отражаетъ назадъ — *Размышленіе*, Reflexio.

Четвертая сила есть способность разсматривать принятые предметы въ ихъ многообразіи — *Воображеніе*, Phantasia, Imaginatio.

Пятая сила состоитъ въ рѣшеніи — *Разсужденіе*, Iudicium.

Шестая собираетъ и разпоряжаетъ все по отношеніямъ — *Разумъ*, Ratio.

Наконецъ седьмая способность соображенныя вещи образуетъ въ существо для ума — *Смыслъ*, *Умъ*, Intellectus.

Сія послѣдняя содержитъ въ себѣ какъ бы сумму всѣхъ прочихъ.

Воля человѣческая также дѣлится на 7 силъ, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ волю человѣка, и суть какъ бы составительныя ея части.

Первая есть способность хотѣть желательныхъ вещей внѣ себя — *Желаніе*, Desiderium.

Вторая есть способность желательныя вещи себѣ присвоивать — *Похотѣніе*, *Похоть*, Appetitus.

Третья есть способность давать имъ видъ, дѣлать ихъ дѣйствительными, или исполнять желаемое — *Вожделѣніе*, Concupiscentia.

Четвертая есть способность принимать въ себя наклонности, безъ рѣшимости еще на которую либо

сторону, или есть состояніе человѣка въ *Страсти*, Passio.

Пятая есть способность рѣшимости въ пользу вещи, или противъ вещи — *Свобода*, Libertas.

Шестая есть способность выбора, или дѣйствительная рѣшительность — *Избраніе*, Electio.

Седьмая есть способность избранію давать бытіе — *Воля*, Voluntas.

Сія седьмая сила также содержитъ въ себѣ всѣ прочія, и есть сумма ихъ.

Сіи 7 силъ Ума и 7 силъ Сердца, или Воли, могутъ особливымъ образомъ облагородиться и возвыситься, когда мы Христа, яко Премудрость Божію, возьмемъ за правило нашему разуму; а всю жизнь его, состоявшую въ одной любви, за побужденіе нашей волѣ.

Умъ образуется по Христу

1. Когда мы во всѣхъ случаяхъ на него взираемъ, когда Онъ составляетъ единственную цѣль дѣяній нашихъ — *Умозрѣніе*, Intuitus.

2 Когда мы вездѣ замѣчаемъ его дѣянія, его чувствованія и его духъ — *Понятіе*, Apperceptio.

3. Когда мы во всѣхъ нашихъ помышленіяхъ наблюдаемъ его, и мыслимъ, какъ бы онъ о томъ мыслилъ — *Размышленіе*, Reflexio.

4. Когда его чувствованія, его мысли, его Премудрость поставляемъ единственнымъ предметомъ нашей вообразительной силы — *Воображеніе*, Phantasia.

5. Когда отвергаемъ всякую мысль не его, и избираемъ всякую, которая могла бы быть его — *Разсужденіе*, Iudicium.

6. Когда мы наконецъ весь составъ идей духа нашего разпоряжаемъ по его идеямъ и по его духу — *Разумъ*, Ratio. Тогда

7. Возходитъ въ насъ новый свѣтъ, несравненно превышающій чувственный разумъ; свѣтъ вышній — *Умъ*, Intellectus.

Также точно образуется наше сердце, когда мы во всемъ

1. Его только желаемъ — *Желаніе.*

2. Его только хотимъ — *Похотѣніе.*

3. Его только вожделѣваемъ — *Вожделѣніе.*

4. Его только любимъ — *Любовь*, страсть.

5. Все то избираемъ, что есть Онъ, и всего того убѣгаемъ, что не Онъ — *Избраніе.*

6. По Его только гармоніи, по Его заповѣдямъ, уставамъ и повелѣніямъ живемъ — подчиненіе *Свободы.* Отъ чего наконецъ

7. Происходитъ совершенное соединеніе *воли* нашей съ Его волею; а по сему соединенію человѣкъ со Христомъ есть единъ умъ и едино сердце.

При семъ совершенномъ соединеніи постепенно воскресаетъ въ насъ новый человѣкъ; Божественная Премудрость и Любовь соединяются въ насъ для произведенія новаго духовнаго человѣка, въ сердцѣ коего

вѣра переходитъ въ созерцаніе; и предъ сею оживленною вѣрою сокровища обѣихъ Индій суть ничто.

Сіе существенное стяжаніе Бога, или Христосъ въ насъ, есть центръ, къ которому всѣ таинства, какъ лучи въ кругѣ, устремлены, и въ которомъ одномъ заключается высочайшее таинство религіи и всѣхъ мистерій.

Царство Божіе есть царство истины, благонравія и благоденствія. Оно творится внутренно въ нѣкоторыхъ людяхъ, и постепенно распространится Духомъ Христовымъ на всѣ народы, дабы вездѣ учредить порядокъ, отъ котораго какъ каждая часть порознь, такъ и весь составъ выиграть можетъ; отъ котораго человѣческая Натура можетъ развиться до высочайшаго совершенства, и больной человѣческой родъ изцѣлиться отъ всѣхъ недуговъ.

Одна Любовь и Духъ Божій будутъ нѣкогда оживлять все человѣчество. Духъ Божій возбудитъ и вос-

кресить силы человѣческаго естества, поведетъ ихъ по цѣлямъ Премудрости и поставитъ ихъ въ надлежащій порядокъ.

Любовь начальствующихъ къ подчиненнымъ, покорность подчиненныхъ начальникамъ, миръ, вѣрность гражданъ, согласіе въ дому, взаимная любовь народовъ будутъ первыми плодами сего Духа.

Восхищеніе духа безъ мечтательства, возвышеніе души безъ сумасбродства, благотворный жаръ сердца безъ бурливой нетерпѣливости сближатъ, примирятъ и соединятъ столь давно толь многими разностями разлученныя и предразсудками и заблужденіями другъ противъ друга ополченныя части человѣческаго рода; и въ семъ Храмѣ Натуры великій и малый, бѣдный и богатый возпоютъ хвалу Отцу любви.

НЕБО НА ЗЕМЛИ,

ИЛИ

ХРИСТОСЪ ВЪ СЕРДЦАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.

Міръ тогда лишь счастливъ будетъ,
Какъ найдетъ Христа въ себѣ;
Онъ даетъ землѣ блаженство,
Миръ и счастье всѣмъ странамъ.

Что жъ Христосъ есть? Онъ Премудрость,
Онъ Любовь, Онъ Сила весь;
Онъ Источникъ побужденій,
Что въ насъ свѣтъ внутри творитъ.

Гдѣ Ійсусъ, тамъ все блаженство
Ощущаетъ сердце Имъ;
Онъ одинъ подъемлетъ бремя,
Подавляющее насъ.

Нѣтъ печали, нѣтъ страданья,
Гдѣ Его вселится Духъ:
Дни весенніе приходятъ,
Съ Нимъ, какъ роза, мы цвѣтемъ.

И Царямъ, что Имъ водимы,
Нѣтъ подобнаго въ Царяхъ;
Скиптромъ ихъ Любовь владѣетъ,
И Любовь держава ихъ.

Начертимъ картину счастья,
Онъ которое даетъ,
Какъ въ дворахъ Его другъ друга
Любятъ человѣки всѣ!

Тамъ Цари отцами стали,
Тамъ Священники врачи;
И Ему мы, Миротворцу,
Будемъ симъ одолжены!

Все, что бѣгало другъ друга,
Съединится дружбой ввѣкъ;
Іудей тамъ и Язычникъ
Будетъ тотъ же человѣкъ.

Для больнаго всѣ лекарства
Тамъ готовы напередъ,
О убогомъ попечется
Нѣжность братскія любви.

Тамъ голоднаго насытятъ,
Въ нуждѣ помощь подадутъ,
Странника подъ кровъ пріимутъ,
Пищу, питіе дадутъ.

Тамъ вдова не льетъ слезъ горькихъ,
И не стонетъ сирота;
Пропитанье всякъ имѣетъ,
Богъ печется обо всѣхъ.

Духъ и Истина во Храмѣ,
Сердце жертвой алтаря,
И Божественной печатью
Знаменованъ тамо Жрецъ.

Мудрость тамъ вѣнца сіянье,
Обладаетъ тамъ Любовь;
Въ мірѣ съ миромъ обитая,
Въ немъ она устроитъ рай.

Ни единаго изъ братьевъ
Не прольется тамо кровь;
Тамъ единаго всѣ рода,
И подпорой брату братъ.

И врачи, что самовольно
Отсѣкаютъ члены прочь,
Умудрясь, беречь ихъ будутъ,
Яко собственность тѣлесъ.

О восторгъ! Какая радость!
Я не зрѣлъ подобной сей:
Христіанинъ, Жидъ, Язычникъ
Тамъ идутъ рука съ рукой.

Волкъ пасется вмѣстѣ съ агнцемъ,
И змія съ младенцемъ спитъ:
Всѣ враждебныя натуры
Чрезъ Любовь примирены.

Соверши еще не дальній,
Странникъ! путь, и оглянись:
Се! въ очахъ твоихъ спадаетъ
Со Святилища покровъ.

Зри: тамъ мракъ и заблужденье,
Предразсудки и порокъ
Въ царство тѣней убѣгаютъ,
Какъ отъ солнца нетопырь.

Се земля явится нова,
Наступаетъ новый міръ;
Духъ Христовъ речетъ: *да будетъ!*
И міръ новый предстоитъ.

Предстоитъ! Ты мнишь, очами
Можешь въ явѣ зрѣть его?
Потерпи, пока завѣса
Вся поднимется съ него.

Но земля ужъ не боится
Превращеній никакихъ;
Всѣхъ блаженство утвердится,
Близь Господь людей своихъ.

Пусть Духъ тьмы во браняхъ губитъ,
Тысящи людей разитъ;
Онъ Всемощію устыпитъ,
И Любовь все побѣдитъ.

Богъ войной народъ караетъ,
Забывающій Его;
Грѣхъ грѣхомъ казниться долженъ,
Бывъ источникъ всякихъ золъ.

Но едва едину слезу
Грѣшникъ къ Богу проліетъ;
Престаетъ его страданье,
Богъ является Отцемъ.

Онъ одинъ всѣхъ цѣли знаетъ
И премудро къ нимъ ведетъ;
Многіе, стремяся къ онымъ,
Ихъ не вѣдаютъ отнюдь.

На вѣсахъ разсудка вѣсятъ
Что впадаетъ въ око имъ:
Но какъ вскроется завѣса,
Какъ ихъ взоръ тотъ удивитъ!

Прочь отъ Бога постыженный
Гордый міра философъ!
Упованіе Онъ мудрыхъ,
Онъ ихъ свѣтъ и счастье ихъ.

Разумъ, вами обоженный,
Только чувственный есть свѣтъ:
Кто кружится въ Вавилонѣ, (*)
Къ истинѣ тотъ не придетъ.

Сокрушитъ рукъ дѣло вашихъ
Возвѣваяй вѣтромъ прахъ,
И предъ сильной мощью Вѣры
Всяка ложь не постоитъ.

(*) Въ оригиналѣ стоитъ здѣсь слово Habel: но, вѣроятно, сіе опечатка, и по смыслу кажется вмѣсто Н. должно быть В. т. е. Babel. *Вавилонъ*, а не *Авель*.

Eckartshausen, Karl von
" Oblako nad sviâti-
lishchem. Sankt-
peterburg, 1804.

TF Dec. 21, 55.

BV4610
.E25
Rare Bk
Coll